2018

ВЫПУСК № 4 (21)

ЭЛЕКТРОННЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

www.discourseanalysis.org

(СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ)

Дискурсивные характеристики восточных языков и культур

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ
Выпуск 4 (21), 2018

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, д.филос.н., зав. кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Полонский Андрей Васильевич, д.филол.н., зав. кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Русакова Ольга Фредовна, д. полит.н., проф., зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург)

Синельникова Лара Николаевна, д.филол.н., проф. кафедры русского языка, теории и истории литературы Крымского гуманитарного университета (г. Ялта)

Пастухов Александр Гавриилович, к.филол.н., зав. кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры (г. Орёл)

Дубровская Татьяна Викторовна, д.филол.н., зав. кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Переверзев Егор Викторович, к.филос.н. (г. Шанхай, Китай)

Аматов Александр Михайлович, д.филол.н., проф. кафедры английского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Кротков Евгений Алексеевич, д.филос.н., проф. кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Борисов Сергей Николаевич, д.филос.н., директор Института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород)

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра фундаментальной социологии ИГИТИ Высшей школы экономики (г. Москва)

Тягунова Татьяна Васильевна – университет Галле-Виттенберг (г. Галле, Германия)

Контакты:

kozhemyakin@bsu.edu.ru (Кожемякин Е.А.),
polonskiy@bsu.edu.ru (Полонский А.В.)
Web-сайт журнала: www.discourseanalysis.org

СОДЕРЖАНИЕ

В номере журнала представлены статьи коллектива и студентов кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова

Зинаида Борисовна СТЕПАНОВА, Марина МИГАЛКИНА **ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЯПОНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ** 3

Сардана Кимовна ЕФИМОВА, Варвара ПАРИЛОВА **СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЯПОНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «MAINICHI SHIMBUN»)** 9

Елена Степановна РУФОВА, Тамара Васильевна АРГУНОВА **ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОЙ ГАЗЕТЫ «MAINICHI SHIMBUN»)** 15

Айаал Сергеевич ПОПОВ, Туйара Николаевна ПЕРМЯКОВА **СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯПОНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ** 19

Анна Андреевна ВАСИЛЬЕВА **КАТЕГОРИЯ «ФЛОРА И ФАУНА» В СЕМАНТИКЕ ЯКУТСКОЙ ДОХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕННИКА Ф.Г. САФРОНОВА)** 27

Семён Семёнович АНДРОСОВ **ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ОСТРОВОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ** 34

Айталина АММОСОВА, Кюннэй Григорьевна ЕГОРОВА **ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ «МАНЧАРЫ» С.П. ДАНИЛОВА** 39

Александра Владимировна ИВАНОВА **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ КАК ФЕНОМЕН КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА** 51

Анна Анатольевна ГРИГОРЬЕВА, Михаил Антонович КИМ **ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА В КИТАЙСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ** 58

Айыына ЛИХАНОВА **ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ** 65

Мария Руслановна СТРУЧКОВА **ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ** 73

Евгения Георгиевна СЕРКИНА **ПРОИЗВОДНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ** 77

Зинаида Борисовна СТЕПАНОВА
Марина МИГАЛКИНА

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЯПОНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена персуазивности как главной стратегии в политическом дискурсе. С точки зрения политического дискурса политические концепции реализуются через категорию персуазивности. Персуазивность является основной категорией, объединяющая различные коммуникативные сферы на основе различных стратегий и тактик персуазивности, изучение которых позволяет рассмотреть особенности и методы речевого воздействия. Целью данной статьи является выявление средств реализации персуазивности в японском политическом дискурсе.

Ключевые слова: *персуазивность, дискурс, политический дискурс, японский язык, лексическое значение*

Zinaida B. STEPANOVA
Marina MIGALKINA

LANGUAGE REALIZATION OF PERSUASION IN JAPANESE POLITICAL DISCOURSE

The article is about the persuasion as the main strategy in political speech. From the point of view of political discourse, political concepts are realized through the category of persuasiveness. Persuasiveness is the basic category that unites various communicative spheres on the basis of various persuasive strategies and tactics, the study of which allows us to consider the features and methods of speech influence. The aim of the article is finding out which means are used often in Japanese political speeches.

Keywords*: persuasion, discourse, political discourse, Japanese, strategy, lexical means.*

Сфера политики всегда имела интерес и большую значимость, для ее деятелей и для тех, на кого она, прежде всего, направлена.

В настоящее время, политическая коммуникация стала объектом исследования во многих науках: политической, социальной и лингвистической.

Исследованиями вопросов политической коммуникации занимается политическая лингвистика, в сферу ее изучения входят жанры речи, характерные признаки функционирования политических текстов. Изучение политического текста основывается на дискурсивном подходе. Таким образом, анализируется текст как часть политической ситуации, изучаются целевые установки текста, ее соотношения с другими политическими текстами, а также изучаются особенности восприятия его адресатами политического текста и соотношения с политическими взглядами автора. В политическом

дискурсе персуазивность является одним из важнейших критериев публичных выступлений.

В данной работе, мы придерживаемся терминологии В.Е. Чернявской, и по ее определению персуазивность — это воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия (Чернявская, 2006: 25). К тому же речевые ситуации, где люди осознанно создают сообщения, вызывающие определенное поведение реципиента или влияющие на его мнение, составляют персуазивный коммуникативный процесс (Чернявская, 2006: 25).

Обращения, где используются персуазивные тактики и стратегии успешно воздействуют на аудиторию. Эти обращения нацелены на формирование определенных мыслей, коммуникативных установок, побуждению действий, которые необходимы говорящему. Воздействие собеседника проявляется не напрямую, а посредством определенных коммуникативных стратегий.

Существуют различные классификации стратегий и тактик политического дискурса, наиболее полной и четко структурированной нам показалась классификация О.Н. Паршиной (Паршина, 2005), которой мы будем придерживаться в нашей работе. Данная классификация основывается на цели, которую оратор хочет достигнуть по отношению к результату. Таким образом, О.Н. Паршина выделяет следующие стратегии и тактики политического дискурса:

Стратегия самопрезентации (построение имиджа политика):	Стратегии убеждения		Стратегии удержания власти	
	Аргументативная стратегия	Агитационная стратегия	Информационно-интерпретационная стратегия	Стратегия формирования эмоционального настроя адресата
тактика солидаризации (стремление создать впечатление общности взглядов, интересов говорящего и аудитории)	a. тактика указания на перспективу b. тактика иллюстрирования	a. тактика обещания b. тактика призыва	a. тактика признания существования проблемы b. тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения c. тактика указания пути решения проблемы	a. тактика единения b. тактика обращения к эмоциям адресата c. тактика учета ценностных ориентиров адресата

Непосредственно языковая реализация персуазивности в политическом дискурсе реализует тактики через конкретные языковые

средства - метафоры, риторические вопросы и т.п.

В публичной речи приемы стилистического синтаксиса, так называемые фигуры речи особенно важны для достижения экспрессивности и динамичности высказывания. К примеру, повтор слова, словосочетания или предложения. Их главной целью является подчеркивание значимости сказанного, привлечение внимание слушателей

Японские политические тексты характерны использованием метафор, синонимов и антонимов, стилистически окрашенных разговорных и просторечных слов, заимствований, устойчивых фразеологических единиц для выражения экспрессивности. Однако в текстах недопустимо использование слишком сложной метафоры или сравнения, поскольку адресату важно понять суть излагаемых фактов и сообщений.

Вот, к примеру, широко употребляемые фразеологические штампы: ストをする *устраивать забастовку*, 逃走を戦う*вести борьбу*, 多数で *большинством голосов* и т.д

Как упоминалось ранее, персуазивным потенциалом обладают риторические вопросы (материалы взяты с сайта премьер-министра Японии Синдзо Абэ, где находится архив его выступлений (Выступление Синдзо Абэ, http):

どんなに貧しい家庭に育っても、意欲さえあれば、高校、高専にも、専修学校、大学にも行くことができる。そういう日本に、皆さん、していこうではありませんか。真に必要な子どもたちには、高等教育を無償化します。*(Независимо от того, в какой семье вы выросли, вы можете поступить в среднюю школу, колледж, профессиональное училище, университет, если у вас есть желание. Давайте сделаем Японию такого типа? Высшее образование будет бесплатным для действительно необходимых детей.)*

Это предложение: そういう日本に、皆さん、していこうではありませんか, является призывом (していこう *давайте сделаем*), которое также имеет риторический вопрос (ありませんか *не так ли*).

В данном случае используется стратегия объединения, где говорящий не отделяет себя от всего остального народа:

この解散は、国難突破解散であります。急速に進む少子高齢化を克服し、我が国の未来を開く。北朝鮮の脅威に対して、国民の命と平和な暮らしを守り抜く。この国難とも呼ぶべき問題を、私は全身全霊を傾け、国民の皆様と共に突破していく決意であります。(*Это роспуск Палаты представителей является роспуском для достижения прорыва в отношении наших национальных кризисов. Мы преодолеем быстро прогрессирующее старение общества и сокращение рождаемости, чтобы открыть будущее открыть будущее Японии. Мы будем защищать до конца жизни и мирную повседневную жизнь людей против северокорейской угрозы. Я полон решимости посвятить всего себя для достижения*

прорыва в решении этих вопросов, которые также следует называть национальными кризисами вместе с японским народом) (Выступление Синдзо Абэ, http).

我が国 - わがくに *наша страна*; 皆様と - みなさまと *вместе со всеми.*

Как известно, политическая коммуникация относится к официально-деловому стилю, который строится на последовательно логической основе. Важны последовательность и точность изложения, документальность, объективность, четкость, эмоционально-экспрессивная нейтральность высказывания.

Главными характерными признаками делового текста являются как высокая степень стандартизации языка, так и своеобразие синтаксиса. Если говорить с точки зрения японской грамматики, то по «стандарту» делового текста должна использоваться нейтрально-вежливая форма, оканчивающаяся на –ます。– です。

Естественно, тексты упрощаются, чтобы все жители государства смогли понимать смысл политического деятеля. Ведь политический текст, как говорилось ранее, обладает широким спектром специфических терминологий, связанных с политикой.

Среди лексических особенностей, на наш взгляд, можно отметить следующие: широкое использование аббревиатур, терминов связанные с социально-экономической и политической сферой, а также не употребление некоторых показателей вежливости (Пашковский, 1973).

Приведем некоторые примеры изречений политических деятелей Японии (на материале электронной версии газеты «Асахи Синбун»):

1. 深沢氏は「身の引き締まる思い。市政の緩みや停滞がないよう全力で頑張る」と力を込め、「来月から中核市に移行するが、多くの市民の皆さんの英知を結集し、私が先頭に立って輝かしい鳥取市の未来を切り開きたい」と述べた。(*Г-н Фукасава сказал: «Все становится напряженно. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы предотвратить ослабление и застоя в администрации.» и заявил: «В следующем месяце я поеду в столицу, но я бы хотел объединить мудрость всех жителей, и в первую очередь я бы хотел хорошее будущее для города Тоттори»*) (Статья предвыборной кампании гос. Фукасава, http).

2. 石田氏は自民や民進の県議らの実質的な支援を受けて圧倒した。午後 9 時過ぎに倉吉市仲ノ町の選挙事務所で支持者らと万歳三唱した石田氏は「選挙戦で約束した震災復興と人口減少対策に着実に取り組む。県中部の中心都市としての機能を高め、若者の定住対策につなげたい」と話した (*Г-н Исида был ошеломлен значительной поддержкой со стороны Либерально-Демократической и Демократической партий. В 9 вечера, г-н Исида со своими сторонниками в избирательном офисе Наканотё в г. Кураёси, прокричали трижды «Ура» и сказали: «Мы будем постоянно бороться с восстановление после землетрясения, и принимать меры с убытками населения. Я хотел бы увеличить функцию центрального города в префектуре и урегулировать меры*

по вопросам молодежи») (Статья предвыборной кампании гос. Исида, http).

Как мы видим, здесь глаголы употребляются в простой разговорной форме. В разговорной речи, обсуждаемые вопросы, как принято не отличаются особой сложностью. Поэтому здесь полнота речи выступает как утяжеление и излишняя формальность. Важной функцией повседневной, бытовой речи японцев является обеспечение благоприятных отношений с окружающими.

Для политических статей не свойственно обилие экспрессивных средств, но нельзя говорить и о полном их отсутствии.

Как мы говорили ранее о персуазивной коммуникации: чем экспрессивнее речевое воздействие адресанта, тем оно менее аргументативно и, соответственно, эффект влияния убеждения и переубеждения будет более длительным.

Речь политика богата символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы попадают в “точку” к массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную часть в этом сознании; высказывания политика должны укладываться в многообразие мнений и оценок, его адресатов.

Но не всегда такое внушение выглядит как аргументация: пытаясь привлечь слушателей на свою сторону, не всегда прибегают к логически связным аргументам. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в пользу которой выступает адресант, лежит в интересах адресата.

1. 「再稼働に歯止めをかけるために、最前線で戦う。子どもたちのために、原発に依存しない未来にする」。4 区で当選した無所属前職の菊田真紀子氏は、選挙戦で「原発ノー」を強く打ち出した。(*Борьба на переднем плане, чтобы остановить перезапуск. «Для детей мы сделаем будущее независимым от ядерной энергии»- Макико Кикута, независимый кандидат, избранная в 4 округе, решительно запустила свою избирательную кампанию под лозунгом «Нет ядерной энергетике»*) (Статья предвыборной кампании Макико Кикуто, http).

Для Японии очень остро поставлен вопрос об атомных электростанциях и вообще там, где есть ядерная энергетика.

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать следующий вывод. На представленном материале мы показали, с помощью каких средств реализуется персуазивность в политическом дискурсе в Японии. Политическая коммуникативная сфера позволяет использовать разнообразные языковые средства, тактики и стратегии, которые в совокупности реализуют категорию персуазивности.

Список литературы:

Выступление Синдзо Абэ перед доверенными лицами // официальный сайт премьер-министра Японии. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/97_abe/statement/2017/0925kaiken.html (дата обращения: 17.09.2018)

Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России автореф. дисс. на соиск. ученой ст. д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 48 с.

Пашковский А.А. К изучению стилевой ситуации в Японии. // Вопросы японской филологии. - М.: МГУ, 1973. - вып. 2. - С. 83-96.

Статья предвыборной кампании гос. Исида // газета Асахи. URL:https://www.asahi.com/articles/ASL3R5VL6L3RPUUB00N.html?iref=pc_ss_date (дата обращения: 17.09.2018)

Статья предвыборной кампании гос. Фукасава // газета Асахи. URL:https://www.asahi.com/articles/ASL3N45NJL3NPUUB008.html?iref=pc_ss_date (дата обращения: 17.09.2018)

Статья предвыборной кампании Макико Кикуто // газета Асахи. URL:https://www.asahi.com/articles/ASKBR6SN3KBRUOHB01S.html?iref=pc_ss_date (дата обращения: 17.09.2018)

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. - С.25

Степанова Зинаида Борисовна - старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *zbstepanova@mail.ru*

Мигалкина Марина – студентка Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *malina-mma@mail.ru*

Сардана Кимовна ЕФИМОВА
Варвара ПАРИЛОВА

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЯПОНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ «MAINICHI SHIMBUN»)

В статье приведены результаты анализа способов речевого воздействия на читателя в японском политическом дискурсе на материале статей из интернет-издания газеты «Mainichi Shimbun» о выборах президента Российской Федерации в 2018 году. В ходе исследования были выявлены и проиллюстрированы способы речевого воздействия на микроуровне по классификации А.А. Казакова, к которым относятся следующие приемы: употребление метафор, синонимов, эвфемизмов и дисфемизмов, штампов или универсальных истин, употребление овеществления, тенденциозное наименование кого- или чего-либо, а также употребление абстрактных денотативно свободных слов.

Ключевые слова*: политический дискурс, японский язык, способы речевого воздействия, японские СМИ.*

Sardana K. EFIMOVA
Varvara PARILOVA

THE METHODS OF SPEECH IMPACT IN JAPANESE POLITICAL DISCOURSE (INTERNET NEWSPAPER "MAINICHI SHIMBUN»)

The paper presents the results of the analysis of the methods of speech impact on the reader in the Japanese political discourse using the articles from the newspaper "Mainichi Shimbun" about the election of the President of the Russian Federation in 2018. The methods of speech impact on the micro level according to the classification A. A. Kazakov were identified and illustrated in the paper. The methods of speech impact on the micro level include the following techniques: the use of metaphors, synonyms, euphemisms and dysphemisms, stamps or universal truths, the use of reification, the tendentious name of someone or something, and the use of abstract denotative free words.

Keywords*: political discourse, Japanese language, the methods of speech impact, Japanese media.*

В статье приведены результаты анализа способов речевого воздействия на читателя в японском политическом дискурсе на материале статей из интернет-издания газеты «Mainichi Shimbun» о выборах президента Российской Федерации в 2018 году. Данная газета была основана в 1872 году и является одной из пяти общенациональных газет, тиражи которой составляют 3,45 млн. экземпляров (утренний выпуск) и 1,09 млн экземпляров (вечерний выпуск) [Фесюн, 2013: 23]. Для выявления способов речевого воздействия было проанализировано 35 статей, вышедших в период с 9 февраля 2017 года до 25 марта 2018 года.

На данный момент исследователи еще не достигли единства в классификации способов речевого воздействия в СМИ, в то же время, сходятся во мнении, что структура речевого воздействия выглядит

следующим образом: «стратегия > тактика > прием (лингвистический или экстралингвистический)». О.С. Иссерс [Иссерс, 2009: 182], А.А. Казаков [Казаков, 2013: 90], Е.В. Сергеева [Сергеева, 2012: 46] рассматривают коммуникативную стратегию как заранее определенную цель коммуникации, для реализации которой необходимо изменить или сформировать мнение адресата с помощью комплекса речевых актов, которые воплощаются в конкретных тактиках. Исследователи считают, что коммуникативная тактика – это комплекс речевых актов, объединенный набором специфических характеристик и реализующийся при помощи совокупности приемов, под которыми понимают конкретные способы воздействия на адресата, предполагающие использование отдельных лингвистических или экстралингвистических средств.

А.А. Казаков разделяет способы речевого воздействия на микро-, мезо- и макроуровень [Казаков, 2013: 90]. В нашем исследовании мы рассматриваем способы речевого воздействия на микроуровне, к которым относятся следующие приемы: употребление метафор, синонимов, эвфемизмов и дисфемизмов, штампов или универсальных истин, употребление овеществления, тенденциозное наименование кого- или чего-либо, а также употребление абстрактных денотативно свободных слов.

В результате анализы нами были выявлены следующие способы речевого воздействия на микроуровне, реализованные в речевых приемах:

1. Употребление метафор замечено 10 раз. Например: 1) «露大統領選で再選（通算で４選）を果たしたプーチン氏が登場すると、観客の愛国心が燃え上がった» (ro daitouryousen de saisen (tsuusan de 4 sen) wo hatashita Puchinshi ga toujou suru to, kankyaku no aikokushin ga moeagatta) - «*Когда переизбранный (в 4-й раз) на выборах президента г-н Путин появился на сцене, патриотические чувства зрителей запылали*». В данном предложении использована метафора 燃え上がった (moeagatta) - «*запылать*». Кроме этого, в изученных статьях использовались метафоры火を付け(hi wo tsuke) - «*зажигать*»,あおって (aotte) - «*раздувать (огонь)*». 2) «記者会見で質疑応答、火花» (kishakaiken de shitsugioutou, hibana) «*Вопросы и ответы на пресс-конференции, жарко*». 火花 (hibana) «*искра*» - метафора с переносным значением «*жарко*» указывает на напряженную ситуацию, возникшую во время пресс-конференции.

2. Употребление синонимов – обнаружено 8 синонимов. Например: 1) для описания победы В.В. Путина на выборах использовались слова: 圧勝 (asshou) «*убедительная победа*» – 5 раз, 勝

利 (shouri) «*победа*» – 9. Примечательно, что слово «圧勝» (asshou) «*убедительная победа*» использовалась как после, так и до самих выборов, что подчеркивает уверенность журналистов не просто в будущей победе г-на Путина, а в победе с большим отрывом. 2) при рассмотрении синонимичных слов, обозначающих протест против правительства выяснилось следующее: «*противоправительственный*»– «反政府» (hanseifu) встречается 6 раз и описывает демонстрации; «反体制» (hantaisei) «*против системы*» использовалось 3 раза по отношению к разным событиям; «反政権派» (hanseikenha) «*против правительства*» – 8 раз, все случаи использования относились к А.А. Навальному; словосочетание «*против Путина*» «反プーチン派» (han Pu-chin ha) использовано 27 раз. При описании г-жи Собчак авторы статей чаще всего (13 раз) использовали выражение «反プーチン（派）», что значит «*против Путина (партия)*». В русскоязычных СМИ по отношению к К.А. Собчак используется словосочетание «*партия против всех*», выражение «*против Путина*» не стало широко употребляемым ни по отношению к какому-либо кандидату, ни самостоятельно. Возможно, причиной частого использования в японских статьях именно выражения «反プーチン（派）» (han Pu-chin ha) «*против Путина*» – является желание или необходимость ярко и лаконично обозначить в тексте оппозиционеров, поскольку выражение привлекает внимание и запоминается, а слова «*антиправительственный*» или «*против системы*» уже не вызывают отклика из-за частого употребления. Еще одним результатом использования этого выражения становится связь «Путин» = «российское правительство» в сознании японцев. «ロシアのプーチン大統領が１４日に開いた毎年恒例の記者会見で、来年３月の大統領選に反プーチン派として出馬表明した女性テレビ司会者、クセーニア・サプチャク氏（３６）が質問に立ち、プーチン氏と直接対決した» – roshia no Pu-chin daitouryou ga 14 nichi ni aita mainenkourei no kisha kaiken de, rainen 3 gatsu no daitouryousen ni han Pu-chin ha to shite shutsuba hyoumei shita josei terebi shikaisha, Kuse-nia Sapuchaku shi (36) ga shitsumon ni tachi, Pu-chin shi to chokusetsu taiketsu shita – «*Президент России Путин 14 числа открыл ежегодную установленную пресс-конференцию, в марте следующего года выдвигающаяся «против Путина» на выборах президента женщина-телеведущая Ксения Собчак (36) встала с вопросом, (устроив) конфронтацию с Путиным*».

3. Случаев употребления дисфемизмов не было выявлено. Эвфемизмы были использованы 5 раз для описания изменений в

международных отношениях. Например: «ロシアによる米大統領選介入などを巡り両国間が冷え込む中での祝福に批判の声も上がっている» – roshia ni yoru beidaitouryousen kainyuu nado o meguri ryoukokukan ga hiekomu naka de no shukufuku ni hihan no koe mo agatte iru – «*В то время, когда отношения между обеими странами становятся холоднее в связи с вмешательством России в выборы президента США, число критикующих поздравление возрастает*». 両国間が冷え込む (ryoukokukan ga hiekomu) «*отношения между обеими странами становятся холоднее*» – эвфемизм, заменяющий выражение «*отношения испортились*».

4. Штампы или универсальные истины: данный прием использован 1 раз при цитировании В.В. Путина со встречи с молодыми волонтерами-активистами 6 декабря 2017 года «ボランティアは我が国の文化であり…» – borantia wa wagakuni no bunka de ari… – «*Волонтерство в культуре нашей страны…*». Штамп в нашем случае – суждение, утверждающее определенное положение как соответствующее действительности и закономерно воспроизводимое, в то же время суждение может быть и ложным [Данилова, 2009: 111].

5. Употребления овеществления: данного способа речевого воздействия выявлено не было.

6. Тенденциозное наименование кого-либо или чего-либо – 22 употребления. Например: 1) «女性テレビ司会者» (jousei terebi shikaisha) «*женщина-телеведущая*» по отношению к Ксении Собчак использовалось 13 раз. В кабинете министров Синдзо Абэ треть принадлежит женщинам, однако женщины-политики в Японии редко занимают ответственные посты. Поэтому Ксении Собчак – «*женщина-телеведущая*», которая к тому же призналась, что является «*любителем в политике*», не выглядит в глазах японской аудитории как достойный кандидат в президенты. «「反プーチン」を訴えて立候補した女性テレビ司会者サプチャク氏は１・３％で…» – han Pu-chin wo uttaete rikkouho shita josei terebi shikaisha Sapuchaku shi wa 1,3 pa-sento de» – «*Выдвигающаяся с призывом «против Путина» женщина-телеведущая Собчак (набрала) 1, 3%…*».

2) ブロガー (broga-) блогер - данное слово использовалось 9 раз по отношению к А.А. Навальному. Согласно японскому сайту http://renso-ruigo.com, занимающемуся подбором ассоциаций и синонимов, слово «блогер» в сознании японцев часто ассоциируется со следующими понятиями: рецензент книги, литератор, писатель, проверяющий, фотограф, харизматичный, ведущий (трансляции), лидер общественного мнения, комментатор, пользователь сети и т.д. С одной стороны, среди ассоциаций нет четкой связи с политикой, поэтому

образ блогера, выдвигающегося в президенты, может вызвать сомнения в кандидатуре. С другой стороны, блогер – лидер общественного мнения, ведущий за собой молодежь: «その中で若者を中心とする不満層の支持を集めてきたのが、ウェブサイトやソーシャルメディアで政権批判を発信するブロガーのナワリヌイ氏だった». – sono naka de wakamono wo chuushin to suru fumansou no shiji wo atsumete kita no ga, u-ebusaito ya sousharumedia de seiken hihan wo hasshin suru buroga- no Nawarinui-shi datta – «*В этих условиях поддержку со стороны недовольных россиян, костяк которых составляет молодежь, набирал блогер Алексей Навальный, критиковавший власть на своей странице в соцсети*».

7. Употребление абстрактных денотативно свободных слов – 25 отдельных слов. Например: слово «批判» (hihan) – «*критика*» встречалось 9 раз, из них 3 в заголовке статьи, производных от него 14; «愛国心» (aikokushin) – «*патриотизм*» встречалось 11 раз, из них один в заголовке; «支持» (shiji) – «*поддержка*» встречалось 10 раз, производных от него 23 раза; «発展» (hatten) - «*развитие*» 3 раза, «成長» (seichou) - «*рост (экономики)*» 2 раза. Слово «*демократия*» было использовано в словосочетании «*демократические выборы*» (4 раза).

В ходе работы было выявлено употребление приемов речевого воздействия, не зафиксированных в классификации А.А. Казакова:

1. Риторический вопрос - 1 предложение: «北朝鮮の金正恩（キムジョンウン）朝鮮労働党委員長の戦術も似ているのではないか» (kitachousen no Kimu Chen Un chousenroudoutouiinchou no senjutsu mo niteiru no dewanaika) – «*Не похоже ли это на тактику председателя Корейской рабочей партии КНДР Ким Чен Ына?*»;

2. Сравнение употреблено 5 раз, например: 1) «投票まで１カ月　プーチン氏、盤石　他候補支持、２ケタ届かず» (touhyou made ikkagetsu Pu-chin shi, banjaku takouhoshiji, niketa todokazu) «*За месяц до голосования г-н Путин – скала; уровень поддержки других кандидатов не достиг 2-х значной цифры*». Сравнение президента Путина со скалой встречается 2 раза в заголовках статей, этим подчеркивается устойчивая популярность г-на Путина среди российского электората. 2) «１２月２３日の与党・統一ロシアの党大会では、「ロシアは１０００年の歴史がある国だが、体を悪くした『おばあちゃん』ではない。常に若く、前に突進する国だ」と語った» (12 gatsu 23 nichi no yotou touitsu roshia no toutaikaide wa,`Roshia wa 1000 nen no rekishi ga aru kunidaga, karada wo waruku shita “obaachan”de wanai) – «*23 декабря на конвенции правительственной партии «Единая Россия» (г-н Путин) сказал: «Россия является страной с 1000-летней историей,*

но не является дряхлой бабушкой». В.В. Путин использовал это сравнение для того, чтобы сделать акцент на России как стране молодой и двигающейся вперед.

В результате анализа 35 статей из интернет-издания японской газеты «Mainichi Shimbun» о выборах президента Российской Федерации в 2018 году по классификации А.А. Казакова можем констатировать, что на микроуровне высока частотность употребления абстрактных денотативно свободных слов (25), а также тенденциозных наименований (22 раза), выявлено использование метафор (10), синонимичных слов (8), эвфемизмов (5), штампов или универсальных истин (1), в то же время случаев употребления дисфемизмов и овеществления не было выявлено.

Таким образом, мы выделили 5 подгрупп (употребление метафор, синонимов, эвфемизмов и дисфемизмов, штампов или универсальных истин, тенденциозное наименование кого- или чего-либо, употребление абстрактных денотативно свободных слов) из 6 по классификации А.А. Казакова; одна подгруппа (овеществление) не была представлена в проанализированных статьях. Также были выявлены в текстах статей 2 приема речевого воздействия, не представленных в классификации А.А. Казакова: употребление риторического вопроса (1), употребление сравнения (5). Наше исследование позволяет сделать вывод, что в японских СМИ используются различные способы речевого воздействия на микроуровне по классификации А.А. Казакова.

Список литературы:

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, КДУ, 2009. 232 с.

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. – М.: «Флинта», 2009. 224 с.

Казаков А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика. 2013. №3. с. 90.

Сергеева Е.В. К вопросу о некоторых манипулятивных приемах в текстах предвыборной агитации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. с. 40.

Фесюн А.Г. Язык японских СМИ: учеб. пособие. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 216 с.

Ефимова Сардана Кимовна - старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *Sardana_efimova@mail.ru*

Парилова Варвара – магистрант Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *varyaparilova@gmail.com*

Елена Степановна РУФОВА
Тамара Васильевна АРГУНОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОЙ ГАЗЕТЫ «MAINICHI SHIMBUN»)

Данная статья посвящена проблеме газетной публицистике. На материале заголовков статей газеты "Mainichi Shimbun" выявляются функциональные особенности японских газетных заголовков. В результате исследования выделяется общая тенденция полифункциональности газетных заголовков, а в качестве особенностей заголовков японских газетных текстов их графически-выделительная функция.

Ключевые слова*: текст, заголовок, название, функция, газетный заголовок, японский язык.*

Elena S. RUFOVA
Tamara V. ARGUNOVA

FUNCTIONAL FEATURES OF JAPANESE NEWSPAPER HEADLINES (ON THE MATERIAL OF THE JAPANESE NEWSPAPER "MAINICHI SHIMBUN")

This article is devoted to the problem of newspaper discourse. The material of the headlines of the articles of the newspaper "Mainichi Shimbun" reveals the functional features of the Japanese newspaper headlines. Because of the study, the general trend of polyfunctionality of newspaper headlines is highlighted, and as features of the headings of Japanese newspaper texts, their graphically excretory function.

Keywords*: text, headline, title, function, newspaper headline, Japanese.*

Проблеме газетной публицистике посвящено немало междисциплинарных исследований. Изучением лингвистических, семантических, функциональных особенностей дискурса средств массовой информации в разные годы занимались известные ученые как В.Г. Костомаров (1971); Т.А. ван Дейк (1988); Т.Г. Добросклонская (2005) и др.

Э.И. Турчинская под заголовком понимает особый тип высказывания, обладающий определённой автономностью и внутренней структурой, характер и форма которого зависят от стилистических и жанровых характеристик [Турчинская, 1986: 97].

Основной задачей заголовка является его направленность на адресата, которая помогает выбрать интересующую информацию по заголовку, не обращаясь к самому тексту. Таким образом, заголовок предопределяет понимание последующего за ним текста, устанавливая определённую связь: читатель – заголовок – текст [Веселова, 1998].

Важнейшими функциями газетного дискурса являются информационная и воздействующая. Информационная функция

газетных заголовков в том, что основной целью таких заголовков будет информирование о содержании статьи. Когда как воздействующая функция реализуется в привлечении внимания именно к содержанию данной статьи.

Для выявления функциональных особенностей заголовков японских газет нами было проанализировано 100 единиц заголовков газеты «Mainichi Shimbun». В результате анализа были выделены следующие функции:

1. Графически-выделительная функция. Именно эта функция выделяется при первом анализе заголовков японских газет. В японских газетных заголовках часто можно встретить разные изображения, символы, иногда специально опускаются знаки препинания или используют различное написание слов, в силу особенностей фонетико-иероглифического письма:

疲れ抜けない、会社がツラい…「五月病」の正体は？ - «*Усталость не проходит, тяжело… Какова на самом деле «Болезнь мая»*? [Mainichi; 2017]. В данном примере слово ツラい «*тяжелый*» написано азбукой катаканой, на которой обычно пишут только заимствованные слова, таким образом оно больше притягивает внимания. К тому же в этом примере использованы многоточие и риторический вопрос, что сразу выделяет текст.

2. Номинативная функция. Данная функция раскрывается в использовании различных данных или имен, раскрывающих содержание статьи:

データビジネスを育てよう *«Увеличим данные бизнеса»* [Mainichi; 2017]. Так в этом заголовке использованы именно термины, относящиеся к бизнесу, что и определяет тематику статьи, делает ее понятной. Заголовок достаточно короткий без лишней информации, отражает именно суть содержания.

3. Прогнозирующая функция. Только ознакомившись с заголовком, читатель прогнозирует «ожидание-прогноз» относительно содержания текста. Существенно, что для выполнения прогнозирующей функции заголовок обязательно должен опираться на общность фоновых пресуппозиционных знаний реципиентов:

日韓防衛相が電話協議　緊密連携を確認 «*Проверка телефонной связи, сотрудничество министра обороны Южной Кореи и Японии*» [Mainichi; 2017]

「常陽」の申請やり直しを指示 «*Новое предписание банка «Joyo»* [Mainichi; 2017].

4. Информативная функция. В разной степени развернутости, дает читателю определенную информацию, о которой дальше пойдет речь в статье. В таких заголовках зачастую уже резюмировано

содержание статьи, более конкретно представлена информация о содержании:

日本人拘束 「違法認識ない」 千葉の地質調査会社 – *«Ограничение японцев «Непризнание нарушения закона» ограничение геологических исследований компании Chiba»* [Mainichi; 2017].

天下りあっせん 違法、内閣府元審議官も 新たに３０件超 – *«Незаконное сотрудничество, кабинет министров и 30 новых отзывов»* [Mainichi; 2017].

5. Рекламная функция выполняет роль привлечения внимания именно к этой статье. В таких заголовках используются коммуникативные стратеги привлечения внимания и различные тактики, реализующие их:

「毎日かあさん」が完結へ 西原さん「卒母」 - *«господин Нисихара, завершение продукта «Мама на каждый день»* [Mainichi; 2017]. В данном заголовке речь идет о роботе, разработка которого была завершена. Данный робот должен стать помощником в повседневных вопросах быта.

6. Экспрессивная функция (такой заголовок эмоционально насыщен и максимально выразителен). Чаще встречаются восклицательные или вопросительные предложения, он направлен именно на эмоциональное восприятие. Суть ее заключается в том, что содержание статьи должно убедить читателя в том, о чем пишет журналист:

この大音量、自宅じゃ無理！！ ライブハウスＺｅｐｐ「絶響」企画 *«Невозможно огромный дом!! Планирование в магазине Zepp «Zehhibiki»* [Mainichi; 2017]

遊ぶだけじゃない！?サンバパフォーマンスも楽しめる、見どころ満載！- *«Не только развлекаться?! Полностью переполнены места для того чтобы насладиться просмотром представления!»* [Mainichi; 2017].

7. Апеллятивная функция побуждает читателей к действию, и эмоционально влияют на поведение, чувства читателя. В японских газетах, такие заголовки встречаются в спортивных рубриках, где для привлечения внимания используются побудительные предложения:

新型プリウス、ここが買い！- *Новый Приус, купить здесь!* [Mainichi; 2017].

Таким образом, можно утверждать, что заголовок является одним из значимых элементов во всей структуре газетной статьи. Заголовок несет в себе определенную цель, что и определяет функцию заголовка. Одной из основных функций японских газетных заголовков можно выделить графически-выделительную, в силу особенностей письменности японского языка. К тому же можно утверждать, что

заголовок в большинстве случаев несет в себе больше, чем одну функцию, являясь полифункциональным. Это характеризирует не только функции японских газетных заголовков, но и в целом заголовки в газетном дискурсе, ведь при достаточно большом объеме информации именно заголовки являются первым критерием в выборе читателя.

Список литературы:

Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. Тверь, 1998. - 23с.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. - 310 с.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов - Монография. — М.: УРСС Эдиториал, 2005. — 288 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 268 с.

Турчинская Э.И. Соотношение заголовка и текста в газетно-публицистическом стиле. – М.: УОР, 1984. – 234 с.

Японская национальная ежедневная газета «Майнити симбун» (Mainichi Shimbun) http://mainichi.jp/ (Период обращения: с 02.04.2018 по 09.04.2018)

Руфова Елена Степановна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), rufl2003@yandex.ru

Аргунова Тамара Васильевна - студент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск),argtamara@gmail.com

.

Айаал Сергеевич ПОПОВ
Туйара Николаевна ПЕРМЯКОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯПОНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

В статье исследуются японские народные сказки сточки зрения их стилистической специфики. Авторы выявляют стилистические изобразительно-выразительные средства, которые, несомненно, отличают японскую народную сказку. Теоретическая основа исследования посвящена жанровому своеобразию народной сказки, дано определение, выявлены жанровые признаки. Исследование является междисциплинарным, на стыке двух наук: лингвистики и литературоведения. Материалом исследования послужили 10 японских народных сказок.

Ключевые слова*: жанр, сказка, тропы, фигуры речи, картина мира, языковые особенности, стилистический анализ.*

Ayaal S. POPOV
Tuiara N. PERMIAKOVA

THE STYLISTIC CHARACTERISTICS OF THE JAPANESE FOLK TALE

The article explores Japanese folk tales from the point of view of their stylistic specificity. The authors reveal stylistic expressive means that undoubtedly distinguish the Japanese folk tale. The theoretical basis of the research is devoted to the genre originality of the folk tale, a definition of it, and genre features are revealed. The study is interdisciplinary, at the junction of two sciences: linguistics and literary criticism. The study material served 10 Japanese folk tales.

Key words*: genre, fairy tale, trails, figures of speech, picture of the world, language features, stylistic analysis.*

Как известно, сказка – один из основных жанров устного народно-поэтического творчества. Она включает в себя разножанровые произведения, общей чертой которых является установка на вымысел, игру фантазии. Однако этот факт не лишает ее связи с действительностью, определяющей ее идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов, образов. Именно поэтому в настоящее время сказку можно рассматривать как определенную модель фоновых знаний человека о мире, о повседневной жизни, о быте и культуре того или иного народа, тем самым лингвистические исследования сказки являются актуальными и по сей день. Сказка – это уникальный продукт человеческой умственной деятельности, через который «раскрывается перед нами тысячелетняя история народа» (А.Н. Толстой).

Прежде чем провести анализ японских народных сказок, необходимо рассмотреть жанровую специфику народной сказки.

Обратимся к справочно-энциклопедическим изданиям и

толковым словарям. У Ожегова мы находим второе фиксированное значение сказки: «выдумка, неправда, ложь». Этнографические словари выдают следущее: «Сказки – вид устной прозы с доминантной эстетической функцией. Это отличает их от прочих устных рассказов, где главной является функция информативная (предания, былички, и тп). Недостоверность повествования (установка на вымысел) остается, по существу, единственным признаком, позволяющим относить устные рассказы к разряду сказок, сообщаемых с целью развлечения и поучения» (Народные знания, 1991: 115). Известный русский филолог-фольклорист В.Я. Пропп придерживается мнения о том, что сказку определяет, прежде всего, художественная форма. Пропп утверждает, что каждый жанр обладает особой, свойственной только ему, художественностью. Это и является его поэтикой. Таким образом, сказка по Проппу это – «рассказ, отличающийся от всех других видов повествования специфичностью своей поэтики» (Пропп, 2000: 26).

Весьма размытое толкование дает Аникин: «Сказка – умное чудо, сотворенное художественным гением народа» (Аникин, 1977: 10), что справедливо истолковать как «результат народного творчества». Никифоров А.И. в своем труде «Сказки и сказочник» также поднимает проблему дефиниции понятия сказки. Он дает свое определение сказки, а именно «сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные и житейские), и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» (Никифоров, 2008: 25). По Никифорову существует три главных признака, по каким рассказ можно отнести к сказке.

Первый признак – это целеустановка на развлечение слушателей. Это такой прием, когда рассказ, ставя перед собой цель поучения и повествования, также уделяет важную роль развлечению слушателей. Одной из неотъемлемых частей сказки является как раз-таки желание «забавить, высмеять, сыронизировать». Этот признак максимально приближает рассказ к сказке.

Второй признак – это необычное содержание. Оно может быть фантастическим, чудесным или житейским. Это прежде всего наличие чудесных вещей (ковер-самолет, скатерть-самобранка, чудесные лампы и т.д.), фантастические существа (Баба Яга, Кощей Бессмертный и т.д.). Помимо этого, например, в бытовых сказках, необычным содержанием могут быть приключения и события у людей, чрезмерно гиперболизированные. Например, сказки о хитрых крестьянах, неверных женах, ловких ворах и др.

Третьим признаком (один из самых важных, отмечает Никифоров) является особая форма ее построения. Однако этот признак также является трудным в плане выявления, так как сказка – слишком богатый и обширный вид поэзии, и существует не в одной

единственной форме. Представляется невозможным сравнение, к примеру, построения бытовой и волшебной сказок (Никифоров, 2008: 25).

Ю.М. Соколов дает такое определение: «Под народной сказкой, в широком смысле этого слова, мы разумеем устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера» (Соколов, 2007: 12).

Все исследователи признают наличие в сказке вымысла, опирающегося на действительность. Однако не существует одного принятого определения народной сказки. Это связано в первую очередь с многогранностью материала, что, как мы можем наблюдать, заставляет каждого из исследователей акцентировать свое внимание на совершенно разные грани понятия. Наиболее точное и емкое определение этому жанру, по нашему мнению, дает Т.Г. Леонова (Леонова, 1982: 20), и звучит она таким образом: «Сказка – это эпическое, часто всего прозаическое произведение с установкой на вымысел, произведение с фантастическим сюжетом, условно-фантастической образностью, устойчивой сюжетно-композиционной структурой и ориентированной на слушателя формой повествования».

Японская сказка, как и все сказки мира, будучи народно-поэтическим произведением о вымышленных лицах и событиях, является неотделимой частью японской устной и письменной культуры. В японских сказках хорошо отражены своеобразие японского быта, народного характера, одежды и японских обычаев.

По своей нравственной концепции, японская сказка во многом схожа с русской. Об этом говорит и известный японский исследователь русской литературы профессор Ёсикадзу Накамура. Приведем слова профессора: «Когда я занимался переводом афанасьевских сказок, то неоднократно обращал внимание на сходства и различия между сказками русского и японского народов <…> между ними немало общего: почти всегда в конце одерживают победу добрые силы, и хорошие качества человека <…> в сказках обоих народов встречается, хоть и редко, склонность к жестокости. Но характер, темперамент героев неодинаковы. Способы сказывания тоже отличаются друг от друга» (Накамура).

Сегодня разноаспектному изучению этого широкого жанра посвящено множество философских, лингвистических и литературоведческих исследований. В качестве объекта своего исследования ее выбирали многие отечественные ученые, такие как В.Я. Пропп, В.П. Аникин, Е.М. Мелетинский, Л.Ю. Брауде, А.Н. Веселовский. Своей целью они ставили создание классификации сказок, лексико-семантический анализ сказочных текстов, лексико-сопоставительный анализ сказок и разных жанров.

В ходе нашего исследования мы предприняли попытку провести

стилистический анализ японских народных сказок.

Для исследования методом сплошной выборки были отобраны 10 различных по объему и сюжету японских народных сказок. В ходе стилистического анализа в выбранных нами сказках было найдено 170 стилистических выразительных средств.

Так, в 10 сказках эпитет используется 68 раз, в большинстве он встречается при описании внешности героев сказки (чаще всего при описании внешности женских персонажей).

Например: 美しい女(utsukushii onna) («*прекрасная дева*» здесь и далее пер. наш) («Война обезьян с острова Оамидзима и морской черепахи»)

Эпитеты также встречались в случае описания явлений природы, местности или пейзажа: 寒い北国 (samuihokkoku) «*холодная северная страна*» («Война обезьян с острова Аомидзима и морской черепахи»).

Метафора в текстах сказок встречалась реже, чем эпитет. В конечном счете, нами было отнесено к числу метафор 25 выражений:

雪が舞い込んできます(yukigamaikondekimasu) «*танцующий снег*» ((«Лампа старика») .

Встречались также примеры использования гиперболы (11). Например, в народной сказке «Сказ о матери Садодзиро и принцессы Андзю» мы находим такой пример использования гиперболы: そして無理をした奥方は目の病にかかり、盲目になってしまいました。«*Так плакала женщина каждый день, что однажды заболела и ослепла*»

В той же сказке находим следующий пример гиперболы, использованной для передачи трагической судьбы женщины.

その時、目の見えない奥方の目から涙があふれて、それが川に流れ込みました。 «*И в этот момент из невидящих глаз женщины полились слезы, которые превратились потом в эти реки*».

Мы нашли только один пример использования иронии, в сказке «Война обезьян с острова Аомидзима и морской черепахи» (青海島の猿亀合戦): この事があってから、青海島のサルのお尻はほかのサルよりも赤くなったのです。«*Говорят, что именно из-за этого случая у обезьян с острова Омидзима задняя часть тела стала красной*».

Не менее часто встречались восклицания и риторические вопросы. Их в текстах оказалось всего 32, из которых 10 мы отнесли к риторическим вопросам. Если восклицания как правило присутствовали в речи героев (「あっ、キ、キツネ！」«*А..! Ли... Лисица!*» («Как монах Лису обманул»), то риторические вопросы встречались и в самом тексте сказки (夢だったのか«*Был ли это сон?*» («Сказ о помолодевшем старике»), и в монологе героев.

Ономатопоэтическая лексика использовались в сказках при описании голосов людей, животных, звуков (8). Например:

そして桃の中から、「おぎゃあー、おぎゃあー」と、かわいらしい赤ち

ゃんが、元気良く飛び出したのです。«*А изнутри этого персикового дерева доносился плач милого младенца «Уаа-уаа»* («Сказка о Момотаро»).

Немало было и примеров сравнений (10) в сказках, некоторые из них мы отнесли и к метафоре, и к сравнениям. Например:

山のようなごちそう (yama-noyounagochisou) «*еда с гору*» (букв. «еда как гора») («Сказ о помолодевшем старике»).

Сравнения были представлены в основном грамматической конструкцией の＋ように/ような (no+youni / youna), дословный перевод которой звучит как «*как будто/как/словно*».

そして桃太郎はおじいさんが用意したお侍の着るような陣羽織を着て、刀を腰にさしてもうと、出来上がったばかりのキビ団子の袋をぶら下げました。«*Затем Момотаро надел кимоно, приготовленную стариком, похожую на самурайскую походную накидку, закрепил за пояс катану и закинул сумку со свежими рисовыми лепешками через плечо*» («Сказка о Момотаро»).

Особого внимания заслуживают диалоги героев и монологи, которые, несомненно, придают сказке яркую окраску, живость и пафос.

「のう、お雪。わしは以前に、お前の様に美しいおなごを見た事がある。
–お前と、そっくりじゃった。
–山で、吹雪にあっての。
–その時じゃ、あれは確か、雪女」
–すると突然、お雪が悲しそうに言いました。
「あなた、とうとう話してしまったのね。あれほど約束したのに」
「どうしたんだ、お雪！」
–お雪の着物は、いつのまにか白く変わっています。

«*- Знаешь, Юки, я однажды видела такую же красавицу как ты. Она была, ну просто точь-в-точь как ты! Давным-давно была пурга в горах. А там оказалась, подумать только, Снежная Королева! – не успел договорить Анокити, как Юки грустно сказала:*

- Все-таки ты рассказал… А ведь обещал сдержать слово!

- Что случилось, Юки? – спросил Анокити, и кимоно Юки в мгновение ока изменило свой цвет в белый» («Снежная королева»).

Здесь же мы можем встретить особенности японской разговорной речи, которая значительно замкнута в сравнении с остальными стилями японского языка. Использование разговорных слов является неотъемлемой частью речи героев японских народных сказок, это делает речи персонажей естественными, легкими для восприятия слушателем. Вот некоторые примеры из «Сказа о помолодевшем старике:

「お待ちしていました。さあさあ、こちらへ」(«Сказка о помолодевшем старике») «Omachishiteimashita. Saa-saa, kochirahe» - «*Извините, что заставил вас ждать. Ну же, идите*».

В данном примере мы видим опущение уточнения после kochirahe, что в обычном японском языке может встречаться очень часто, когда как при более официальной и вежливой речи там должно было бы стоять kochirahe do:zo («*пройдите, пожалуйста, сюда*»).

「おや？　わしを乗せてくれるのか。どこでもいいから、人のいるところへ連れて行ってくれ」. «Oya? Washiwonosetekurerunoka. Doko demo iikara, hitonoiru tokoro he tsurete itte kure» («*Да неужели? Отвезешь меня куда угодно? Ну что ж, тогда вези туда, где есть люди*») («Сказка о помолодевшем старике»).

Здесь присутствует сразу две особенности, присущие разговорной речи это восклицание oya и использование местоимения первого лица единственного числа washi, свидетельствующее о том, что говорящий человек – пожилой (данное местоимение используется в японском языке исключительно людьми престарелого возраста, в настоящее время же он почти не используется). Использование старомодного слова придает сказке старинность, и без дополнительных уточнений читатель может представить себе, когда происходит действие сказки.

В тексте того же «Сказа о помолодевшем старике» мы находим следующий пример:

「さあ、どうぞめしあがれ」«Sa: do:zo meshiagare» («*Ну же, угощайся*»)

Если рассматривать данную фразу с грамматической точки зрения, то она не отвечает правилам японского языка. Дело в том, что meshiagaru – это глагол, означающий «кушать, принимать пищу», использующийся только в очень вежливой речи. Как правило, meshiagaru используется вместе с kudasai, изменив при этом окончание. В данном же случае глагол стоит в простой форме, которая используется только при обращении к человеку, который ниже по социальному статусу, чем говорящий. Разумеется, эта грамматическая ошибка является задумкой, и придает речи говорящего некую иронию.

Нельзя оставлять без внимания и зачин японской народной сказки. Так, из 10 отобранных нами японских сказок 8 начиналось со слов むかしむかし (mukashi-mukashi – «*Давным-давно*»), один пример использования 大昔のこと (o:mukashi-nokoto – «*Дело было в старину*») и еще один пример использования точного места и времени действия сказки. Как правило после むかしむかし идет あるところ、あるくに、あるひと、あるおじいさん (aru-tokoro, aru-kuni, aru-hito, aru-oji:san, «*в одном месте*», «*в одном государстве*», «*жил-был человек*», «*один старик*» и т.д.).

Кроме того, сказки, как правило, заканчиваются одинаковой фразой おしまい (oshimai) «*конец*».

やがて桃太郎は鬼ヶ島から持ち帰った宝物を一つ一つ持ち主のところへ届けてやり、鬼ヶ島での鬼退治の話しを世界中に広めたという事です。

おしまい。«*Так Момотаро вернул все украденные сокровища своим владельцам, и эта история о том, как он победил всех демонов с острова Онигасима с тех пор известна всему миру. Конец*». («Сказка о Момотаро»)

Нами было найдено 15 случаев использования ономатопоэтической лексики. В отличие от русского языка, где ономатопоэ часто используется при описании голоса животных («*мяу-мяу*», «*му-му*» и т.д.), а также звуков («*бах*», «*бух*» и т.д.), в японском языке ономатопоэтическая лексика, как правило, идет вместе с глаголом, и используется для придания красочности и комичности какому-либо действию. Однако эта особенность теряется при переводе, и ономатопоэ в большинстве случаев опускается, ввиду отсутствия эквивалента.

しわしわの皮がぺろんと取れて、つやつやした肌になったではありませんか?

«Shiwa-shiwanokaregaperon-otorete, tsuyatsuyashitahadaninattadewaarimasenka?»

«*Вы только представьте! Старик в мгновение ока превращается из морщинистого и немощного в молодого и красивого юношу!*» («Сказ о помолодевшем старике»)

Таким образом, в результате проведенного исследования и анализа стилистических средств выразительности и изобразительности можно сказать, что:

- японская народная сказка в качестве стилистических особенностей имеет такие изобразительно-выразительные средства, как эпитет, метафора, сравнение, повтор, риторический вопрос, восклицание и гиперболу;

- диалоги и монологи в японской народной сказке играют важную композиционную роль, они также придают особую эмоциональную окраску;

- японская народная сказка, так же как и другие народные сказки, имеет много устойчивых выражений, представленных в виде эпитетов. Например, такие эпитеты как 可愛い、美しい (kawaii, utsukushii «*милая, прекрасная*») в сочетании с女 (onna – «*дева*»), что справедливо перевести как «*красна девица*»;

- в японских народных сказках повторяются не только отдельные слова, но также композиционные элементы, такие как зачин и концовка;

- стилистические и рифмообразующие повторы в японских народных сказках выполняют коммуникативную и ритмообразующие функции;

- с точки зрения когнитивной сложности японскую народную сказку можно охарактеризовать как произведение с простым сюжетом, с ограниченным количеством действующих лиц, коротким по объему.

Список литературы:

Аникин В.П. Русская народная сказка: Пособие для учителей. – М., Просвещение, 1977. –208 с.

Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: поэтическая система жанра в историческом развитии. – Изд-во Томского ун-та, 1982. – 192 с.

Накамура Ёсикадзу Русские и японские сказки – близнецы-сестры. Журнал «Япония сегодня».URL: http://www.japantoday.ru/

Народные знания. Фольклор. Народное искусство: Научный свод этнографических понятий и терминов - Вып. 4. - М.: Наука, 1991. – 114 с.

Никифоров А.И. Сказки и сказочник. – М.: ОГИ, 2008. – 376 с.

Пропп В.Я. Русская сказка. – М.: (Собрание трудов В.Я. Проппа) Научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. – Лабиринт, 2000. – 416 с.

Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебное пособие. 3-е изд. Классический университетский учебник / Отв. редактор В.П. Аникин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.

青海島のサル亀合戦 («Война обезьян с острова Аомидзима и морской черепахи») URL:http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/04c.html

雪女 («Снежная королева»)
URL: http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/01/22.htm

かぐや姫URL:http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/10/01_full.html

弓の名人と二羽のつる («Журавль и мастер») URL:http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/27a.htm

若者になったおじいさん («Сказка о помолодевшем старике») URL:http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/06a.htm

さどう磁路と安住姫の母 («Сказ о матери Садодзиро и принцессы Андзю») URL:http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/26a.htm

桃太郎 («Сказка о Момотаро»)
URL: http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/01_full.html

七夕(«Танабата»)URL: http://yomukiku-mukashi.com/tanabata.html

お坊さんに騙された狐 («Как монах Лису обманул»)
URL: http://hukumusume.com/douwa/pc/jap/08/29a.html

Попов Айаал Сергеевич - магистрант кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск),

Пермякова Туйара Николаевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск), *ptuiara@mail.ru*

Анна Андреевна ВАСИЛЬЕВА

КАТЕГОРИЯ «ФЛОРА И ФАУНА» В СЕМАНТИКЕ ЯКУТСКОЙ ДОХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕННИКА Ф.Г. САФРОНОВА)

Данная статья посвящена изучению якутского дохристианского антропонимикона в семантическом аспекте. Материалом для исследования последил корпус якутских личных имен 18-19 вв., собранный ученым-историком Ф.Г. Сафроновым. Автору удалось выявить этимологическое значение основ 1208 единиц. Категория «флора и фауна», являющаяся целью данного исследования, представлена в 99 единицах, 88 з которых относятся к группе «фауна» и 11 – к группе «флора».

Ключевые слова: *антропонимика, семантика, якутский язык, именник, дохристианские имена.*

Anna A. VASILIEVA

"FLORA AND FAUNA" CATEGORY IN THE SEMANTICS OF THE YAKUT PRE-CHRISTIAN ANTHROPONYMY (BASED ON THE NAME-LIST BY F.G. SAFRONOV)

Антропонимика тюркоязычных народов Сибири до настоящего времени остается одной из мало изученных отраслей ономастики, в связи с чем особый интерес для нас представляют ономатологические исследования в национальных республиках Российской Федерации. На фоне исторического двуязычия результаты таких научных изысканий обладают большой историко-этнографо-лингвистической ценностью. Так как современный якутский язык является в некотором роде синтезом тюрко-монгольских отношений, то особо важными для нас являются антропонимические данные именно монголо- и тюрко-язычных республик России (Васильева, 2017:101).

В Республике Саха (Якутия) исследования в области антропонимики ведутся сравнительно небольшим количеством ученых, так как наибольшее внимание уделяется топонимике. Михаил Спиридонович Иванов – Багдарыын Сюлбэ всю свою жизнь посвятил изучению родного края. В том числе и имен собственных – в основном, топонимов и антропонимов. В течение многих лет он собирал картотеки географических названий (более 400 тысяч топонимических единиц) и якутских личных имен (более 50 тысяч антропонимических единиц), рассматривая их с точки зрения диахронии и семантики.

Николай Георгиевич Самсонов ономастическим исследованиям посвятил несколько книг: «Наши имена» (1989), «Якутские имена» (2004), «Имена говорят» (1993) (в соавторстве с Л. Н. Самсоновой), также под его авторством опубликованы статьи по ономастике. «Имена могут пролить свет на многие вопросы, связанные с историей Якутии», – пишет автор в предисловии к одному из изданий (Самсонов, 1993:3).

В подтверждение своей мысли он приводит множество интересных примеров, одним из которых является ойконим «Намцы»: «Ученые доказали, что в конце XVI – начале XVII в. жил князец старик Нам, он стал предком Намского рода, который находился на территории нынешнего Хатын-Арынского наслега Намского района».

Е. Р. Николаев обращается к вопросам истории изучения якутских антропонимов, ономастической терминологии в системе якутского языка, словообразовательных аффиксов якутских антропонимов, заимствований из других языков в якутском антропонимиконе. В своих публикациях Егор Револьевич делает очень интересные замечания: «Историю изучения якутских антропонимов необходимо рассматривать в тесной связи с историей изучения якутского языка в целом, так как в нашем распоряжении существуют в большинстве случаев отрывистые исследования по якутской антропонимике» (Николаев, 2015:57). В доказательство данного высказывания автор демонстрирует примеры из трудов известных якутоведов, начиная с О. Н. Бетлингка (1990) и заканчивая Л. Н. Харитоновым (1954). На наш взгляд, обращение к трудам «грамматистов», несмотря на лексический характер исследования имен собственных, представляется верным и весьма полезным для дальнейших изысканий в области ономастики.

Что касается исторической антропонимии в якутском языкознании, в 1983 году Н. П. Скрябиной была защищена кандидатская диссертация на соискание степени кандидата филологических наук «Становление локальной антропонимической системы (на материале русских деловых документов Якутии)». Работа посвящена в основном русским личным именам жителей Якутии XVIII-XX вв. – соотношению календарных и некалендарных имен и их функционированию в диахроническом аспекте, автор также не обходит стороной и якутские личные имена того периода: «Большую роль в становлении антропонимической системы якутов сыграл русский язык. <…> Якутские имена к началу XIX в. отходят в разряд вторых, сопутствующих. Особенностью якутского именника XVII-XVIII вв. является то, что в документах этого времени употребляются два или несколько имен при обозначении одного и того же лица, обычно первое – христианское имя и второе – якутское, под которым носитель известен в обществе» (Скрябина, 1983: 12).

Материалом для данного исследования послужил именник якутских личных имен дохристианского периода, созданный ученым-историком Ф.Г. Сафроновым, и включенный в его книгу «Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири» (1985). В данном списке имен, который Федот Григорьевич собрал, работая в архивах Республики, Москвы и Ленинграда, около 5000 единиц, однако автор с помощью своих коллег-лингвистов, смог ретранскрибировать записанные русскими писцами имена 3337

единиц. Из этого количества автору данной статьи удалось выявить значение антропоосновы 1208 единиц.

Говоря о семантике тюркских личных имен, стоит отметить, что на данный момент существуют два основных подхода к классифицированию. Владимир Андреевич Никонов в книге «Имя и общество» (1974) уточняет, что семантическая классификация имен – это та, мотивация, которую вкладывает имядатель в процессе имянаречения. Распределение имен по лексико-семантическим группам автор называет «лжеклассификациями», так как они не учитывают мотив выбора того или иного имени, который является определяющим фактором. «Место имени Арслан – в одной семантической группе не с именами, означающими «заяц» и «собака», а с именами, образованными от слов «орел», «дуб», «сталь»: мужские имена «Булат», «Темир» и т.п. – пожелания мальчикам вырасти сильными и смелыми.» (Никонов, 1974: 95). «Семантика имен – совсем не значения тех слов, от которых имена образованы, а отношение в сознании называющих между называемым (носителем имени) и тем понятием, которое выражено словом-основой». В.А Никонов, таким образом. Предлагает следующие семантические типы личных имен, с оговоркой «но пока только в качестве примеров для будущих проектов» (Никонов, 1974:96):

1. Имена описательные или дескриптивы. Имена этого типа констатируют признаки новорожденного, различные обстоятельства и условия его рождения или данные о родителях.
2. Имена-пожелания (дезидеративы). Суть этих имен – это заклинания.
3. Имена-посвящения (меморативы) – памятные, связывающие носителя имени с обозначаемым в его имени другим человеком, божеством или идеей.

Имена, содержащие в себе значения, входящие в семантическую группу «Флора и фауна», таким образом, могут встречаться в п.1.5. данной классификации «Первое увиденное, услышанное или сказанное матерью после родов»: «…таковы многие из алтайских имен, представленных в группе предметов домашнего обихода («Тон» - шуба, «Тожок» - постель), так же, как и многие имена из наименований животных, именем становилось и наименование животного или птицы, чьи звуки услышала мать после родов…» (Никонов, 1974: 96); в п.2.1. «Пожелания ребенку быть здоровым, сильным»: Анамы от «анамы» - большой, крупный олень или лось, Буҕан от “буҕа» - 1 - бык – производитель - буҕа 2 - могучий, сильный, крепкий; и в п. 3.1. Тотемные имена.

Однако, учитывая такие особенности якутских личных имен дохристианского периода, как высокий уровень экспрессивности, ярко-выраженный прозвищный характер, а также то обстоятельство, что

имена, записанные писцами, были даны людьми в основном уже во взрослом возрасте, и скорее всего, не родителями, а соплеменниками, то стоит прибегнуть к попытке классификации имен посредством деления их по лексико-семантическим группам.

Сам Ф.Г. Сафронов выделяет следующие категории:

1. Обстоятельства рождения (Булумдьу - найденыш, Эбилиик - прибавление);
2. Имена –обереги (Ыт - собака, Куһаҕан - плохой);
3. Имена, отражающие охотничье-рыболоведческие занятия якутов (Батас – пальма, копье; Собо - карась);
4. Имена, связанные с религиозными воззрениями (Сата – священный камень, Байанай – дух леса, покровитель охотников);
5. Имена морально-оценочного характера (Сырдык - светлый, Киһиргэс - хвастливый);
6. Домашний скот (Сылгы - лошадь, Торбос - теленок);
7. Социальные понятия (Кулут - раб, Дархан – важный);
8. Внешний облик (Мурун - нос, Хара - черный).

Имена, содержащие в своем значении названия объектов флоры и фауны в данной классификации, встречаются в п.3.и 6 (Сафронов, 1985: 15-21).

В данной работе мы выделяем категорию «флора и фауна» отдельно, так как эти имена отражают названия представителей животного и растительного, имевших какое-либо влияние и значение для народа саха указанного периода.

Всего выявлено 99 единиц с подобным семантическим значением апеллятива, что составляет 8,1% от общего числа антропонимов.

Категория **«фауна»** является преобладающей - 88 личных имен, что составляет 88,8%. Подгруппы данной категории:

Птицы (20 единиц – 17,76%): Аҥырчаан от «аҥыр» - выпь; Далбарай от «далбарай» птенец, только начавший летать; маленькая певчая птичка; Көҕөн от «көҕөн» - кряква; Күөрэгэй от «күөрэгэй» жаворонок; Бараах от «барах» - птица кулик, петушок; Мэкчиргэ от «мэкчиргэ» - сова; Мохсоҕол от «мохсоҕол» - сокол-сапсан; Ураанай от «ураанай»-черная лысуха; Үгүрүө от «үгүрүө» - бекас; Судьун от «судьу» - лубок малый (утка); Тураах от «тураах»-ворона; Туллук от «тулук» - пуночка, снегирь; Тыйаах от « тыйаах» - свиязь (вид дикой утки); Хараҥаччы «хараҥаччы» - ласточка; Хардаччы от «хардаччы» - ястреб; Хаххан от «хаххан» - филин; Хотой от «хотой» - орел; Чөркөй от «чөркөй» - утка-чирок; Чуускун от «чуускун» - вид кулика; Чыычаах от «чыычаах» -птичка.

Обитатели рек и водоемов (19 единиц – 21,5%): Алыһар от «алыһар» - окунь озерный; Алчах от «алчах» - лягушка (диалект); Алчаҕай от «алчах»- лягушка (диалект); Кыһыыдай от «кыһыыдай» - плотва, красноперка (рыба); Борохой от «борохой» - 1. Борохой -

маленькая щука (пек). 2. Подросший щуренок, молодая щука; Быччыкыйаан от «быччыкы»- мелкий карась; Бырык от «бырыкы» - карасенок; Бочоххой/Бочоох от «бочоох» - небольшой карась, карасик; Борох от «борохой» - подросший щуренок, молодая щука; Баҕачаан/Баҕалдай от «баҕа» - лягушка; Балыкай от «балык»- рыба; Мундукаан от «мунду» - гольян; Собо/Соболоох от «собо» - карась; Лыыба от «лыыба» - озерный гольян осеннего улова, которым запасаются впрок, заквашивая его в специальных коробах; Тэрэк от «тэрэкэнэ» - мелкий карась; Чөлбөй от «чөлбөҥө» - муксун.

Домашние животные (13 единиц – 14,77%): Көлгө от «көлгө» - упряжный рабочий скот (конь или бык); Ыт/Ыттака/Ыттыйа/Ыт Кыыьа от «ыт» - собака; Буҕан от “буҕа» - 1 - бык – производитель - буҕа 2 - могучий, сильный, крепкий; Байтах от «байтаһын» - 1. откормленный, нагулявший жир за лето, скот. 2.Нагулявший жир, откормленный; Аттай от «ат» - лошадь; Оҕус от «оҕус» - бык; Сылгы от «сылгы» - общее название лошадей, кобыл, жеребцов; Торбос от «торбос» - теленок; Тэбиэнньэх от «тэбиэн» - верблюд; Ыргынньай от «ыргах» - кобель (собака).

Насекомые (11 единиц, 9,68%): Куйук от куйукта: личинка насекомого (обычно овода) под кожей животного; Быт /Быттыы/Бытта от «быт» - вошь; Аһыына/Аһыҥай/ от “аһыҥа” – саранча, кузнечик; Бырдах от “бырдах» - комар; Ооҕуй от «ооҕуй» - паук; Тигэн/Тигиилээх от «тигии» - оса; Чоху от «чоху» - жук-водоплав.

Мелкие млекопитающие (7 единиц – 7,95%): Күүдээх от «күүдээх» - землеройка; Кутуйах от «кутуйах» - мышь; Кучаанай от «кучан» - название какого-либо мелкого зверька, делающего в дупле деревьев запасы на зиму; Күтэр от «күтэр» - водяная крыса; Моҕотой от «моҕотой» - бурундук; Муруку от «муруку»- бурундук; Ньолоохоон от «ньолох» - зайчонок, малорослый заяц.

Дикие парнокопытные (5 единиц – 5,6%): Анамы от «анамы» - большой, крупный олень или лось; Өлкө от «өлкө» - лось побежденный; Лөкөй от «лөкөй»- матерый самец лося; Тороко от «тороху» - кабан; Чыбыкы от «чубуку» - дикая овца, дикий баран.

Хищники (4 единицы – 4,54%): Бөрө от «бөрө» - волк; Наргычах от «наргыча» - медвеженок; Саһыл от «саһыл» -лиса; Хахый от «хахай» - лев.

К данной категории мы также отнесли группу «часть тела животного» (9 единиц – 10,22%): Кынат от «кынат» -крыло, крылья; Бөртөй от «бөртө» - черная полоска на передних лапах до колен и выше у отдельных экземпляров таежных волков; Муос от «муос» - рог; Орбой от «орбоҥ» - внешний половой орган у самки крупного рогатого скота; Сиэллээх от «сиэл» - конская грива; Тахтай от «тахтай» - медвежья лапа; Тойтох от «тойтохо» - хвост жеребенка; Тагуллаах от «тугул» - внутренняя часть ногтя, копыта или рога скота, животного; Харта от

«харта» - толстая кишка (у лошади).

Таким образом, в группе домашних животных преобладают такие животные как лошадь и бык и их вариации, как основные помощники человека в хозяйстве. Имя со значением «собака» встречается целых 4 раза, чаще, чем остальные. Но оно, скорее всего, несло немного отрицательную коннотации, так как если судить по имеющимся фразеологическим единицам с компонентом «ыт»/«собака» в якутском языке, в тот период оно имело негативную окраску, если употреблялось по отношению к людям, например «Ыкка да холуйбат» - совсем не считаться с кем-либо; «Ыккын ыарҕаҕа баай» - не жадничай, букв. «собаку свою привязывай за тальник» и др. (Нелунов, 2002: 378).

В категории **«флора»** лишь 11 единиц, которые представлены следующими подгруппами:

Часть растения (6 единиц – 54,5%): Мутук от «мутук» - сук, сучок; Үнүгэстиир от «үнүгэс» - зачаток цветка, листка, почка; Силиргэх от «силиргэх»- подземный стебель травянистых растений, корневище; Сымала от «сымала» - смола; Тураах от «туораах» - плод, семя хлебных злаков, некоторых других растений; Хатырык от «хатырык» - кора.

Ягоды (1 единица): Дьэдьэн от «дьэдьэн» - земляника.

Лечебные (1 единица): Кучукта от «кучукта»- название растения, которое раньше привозили с реки Уды и лечили с его помощью разные болезни.

Хвойные (1 единица): Мутукча от «мутукча» - хвоя лиственницы, ветка лиственницы.

В результате мы видим, что большое влияние на социально-бытовую жизнь якутского человека конца 18 - начала 19 века оказывали такие представители животного мира, как птицы и обитатели рек и водоемов, видимо, в связи с тем, что именно эти виды были основным источником белковой пищи.

Список литературы:

Багдарыын Сулбэ (Иванов М. С.) Дойду сурахтаах, алаас ааттаах. Якутскай: Кинигэ изд-та, 1982. 232 с.

Васильева А.А. К вопросу об ономастических исследованиях в Республике Саха (Якутия) // Филологические науки. №12 (78) - 3. Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - С. 101-104.

Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2002. –Т.2.-420 с.

Николаев Е.Р. Об изучении якутских антропонимов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. - 2015. - № 3. - С. 57-62.

Никонов В.А. Имя и общество. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 276 с.

Самсонов Н. Г. Наши имена. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 144 с.

Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири. Якутск: Кн. изд-во, 1985. 200 с.

Скрябина Н.П. Становление локальной антропонимической системы (на материале русских деловых документов Якутии): автореф. дисс. … к. филол. н. Якутск, 1983. 23 с.

Васильева Анна Андреевна - старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *Silong84@mail.ru*, ORCID 0000-0001-9975-9380

Семен Семенович АНДРОСОВ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ОСТРОВОВ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Научный руководитель – Е.С. Руфова,
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой
восточных языков и страноведения
Института зарубежной филологии и
регионоведения Северо-Восточного
федерального университета имени
М.К. Аммосова

В данной статье рассматриваются этимологические особенности географических названий островов Сахалинской области. Топонимы служат памятниками межэтнических языковых связей, представляя собой многоаспектные языковые единицы. В результате исследования можно сделать вывод, что географические названия Сахалинской области образуют особое топопространство, содержащее в себе номинации произошедшие от айнского языка.

Ключевые слова: *топоним, географическое название, топопространство, номинация, остров.*

Semyon S. ANDROSOV

ETYMOLOGICAL FEATURES OF GEOGRAPHICAL NAMES OF ISLANDS OF THE SAKHALIN REGION

This article examines the etymological features of the geographical names of the islands of the Sakhalin region. Toponyms serve as monuments of inter-ethnic linguistic connections, representing multidimensional linguistic units. Because of the research, it can be concluded that the geographical names of the Sakhalin Region form a special topospace, containing in itself the nominations derived from the Ainu language.

Key words: *place name, geographical name, topography, nomination, island.*

Географические названия являются объектами изучения многих междисциплинарных исследований. Можно утверждать, что топонимы служат памятниками межэтнических языковых связей, представляя собой многоаспектные языковые единицы. Рассмотрение топонимов в этимологическом аспекте позволяет проследить связь языка, истории и культуры, ведь топопространство сохраняет в себе часть истории, культуры и языков народов, проживавших там.

Топонимика имеет междисциплинарный характер, которая находится на стыке трех основных наук: лингвистике, географии,

истории. Помимо данных наук широко используется в различных областях знаний. Таким образом, географические названия могут отражать историю, природные условия данной местности, языковые особенности народа, и так же заключать в себе топонимы других территорий.

Каждый топоним представляет собой слово (простое, сложное, суффиксальное) или словосочетание, являющийся названием того или иного географического объекта. В соответствии с этим по семантическому принципу принято разделять все топонимы на две группы: 1) названия, отражающие физико-географические особенности объекта 2) наименования, непосредственно связанные с практической деятельностью человека. Таким образом, топонимика имеет первое, основное и главное значение – это фиксация места на поверхности земли. Также топонимы несут в себе печать культуры народа, его истории, отражают среду обитания, ландшафт, фауну, флору, климатические особенности (Подольская, 1970; 58).

На сегодняшний день существует множество различных классификация изучения топонимов. Е. М. Черняховская выделяет две схемы классификации топонимического материала: 1) по лексико-семантической структуре как средству вскрытия топонима-образовательного исторического процесса; 2) по типу лексической или морфолого-словообразовательной топонимической деривации. Основываясь на своей классификации Е. М. Черняховская акцентирует внимание на изучения словообразовательной структуры имен собственных - географических названий, она пишет: «все собственные названия, с одной стороны, свидетельствуют об общем процессе и тенденциях развития каждого языка, как в прошлом, так и на современном этапе и, с другой, - им свойственны свои собственные закономерности развития, своя словообразовательная специфика» (Черняховская, 1967; 217).

А. В. Суперанская выделила топонимы, отражающие какие-либо черты, присущие объектам, и топонимы, не дающие никакой географической характеристики объектов. По степени номинации А. В. Суперанская делит топонимы на первичные, происходящие непосредственно от имен нарицательных, и не первичные, восходящие к другим собственным именам. В сочетании этих двух характеристик, автор получил четыре типа названий, каждый из которых обладает своими отличительными особенностями и дается определенным категориям объектов (Суперанская, 1986).

Топонимы Сахалинской области неоднородны в плане возраста, в плане источника их наименований, в плане этимологии и семантики. Как и любая лексическая система географические названия Сахалинской области отражают историю и культуру населявших в то время остров Сахалин, прилегающие к нему острова и Курильские

острова этносов. Оправданную или необоснованную смену наименований, сохраняют или искажают древние названия.

Для проведения анализа по выявлению этимологических особенностей географических названий островов Сахалинской области нами было выделено 36 единиц названий островов из географического атласа Г.В. Комсомольского «Атлас Сахалинской области».

В результате анализа было выявлено, что название Сахалин ранее также Карафуто на японском языке пишется как «樺太» — остров у восточного побережья Азии. Крупнейший остров России, входит в состав Сахалинской области. Исходя из словаря Е.М. Поспелова возникновение современного названия острова можно связать с недоразумением. На карте, составленной в начале XVIII в. французскими миссионерами, около устья Амура была помещена надпись «Saghalien anga hada», которая представляла собой искаженное маньчжурское название «скала устья Черной (реки)» и относилась, вероятно, к какому-то из утесистых островков или мысов устья Амура. Эту карту французский географ Ж. Б. Д'Анвиль использовал для составления атласа Китая с окружающими территориями в 1737 г., а надпись, протянувшуюся на исходной карте от амурского устья до острова, он принял за название последнего. С течением времени это название закрепилось за островом, причем в процессе употребления сохранилось лишь первое слово надписи, имевшейся на карте, в форме Сахалин. По мимо данного названия у острова было еще одно наименование, которое активно используют японцы. Как зафиксировано в словаре Е.М. Поспелова «…коренные жители южной части острова айну называли его Карапту или Карап, откуда японцы начали называть остров Карафуто.

Остров Монерон, японское название «海馬島» Кайбато или Тодомосири — остров находится в Татарском проливе в 43 километрах от юго-западного побережья Сахалина. Назван в 1787 г. начальником французкой экспедиции Ж. Лаперузом в честь участника этой экспедиции капитана инженерного корпуса Моннерона. Но помимо данного названия остров имеет и другие. По материалам археологических находок наиболее ранние следы пребывания человека на Монероне относится к эпохам раннего и позднего неолита. Необычно высокая активность посещения острова жителями Японского архипелага и Сахалина отмечена в период существования так называемой сусуйской культуры морских зверобоев (конец 1 тыс. до н.э. – приблизительно V в н.э.). В VII – XII веках в период охотничьего сезона остров с перерывами посещали жители Южного Сахалина. Начиная с XVIII века на Монерон проникают айну южного Сахалина и Хоккайдо, которые назвали его Тодомосири («Остров морских львов»), но которые здесь, по-видимому, не селились на постоянной основе. Позднее, в результате прочтения иероглифов 海馬島 (используемых

для айнского названия острова) на другой лад, возникло японское наименование Кайбато.

Остров Шумшу, на японском языке как «占守島» Сюмусю-то на российской карте зафиксирован в 1745 году как Шумъ — один из островов северной группы Курильских островов. Данный остров впервые посетила в 1711 году экспедиция во главе с якутским казаком Иваном Козыревским, где они встретились с аборигенами, населявшими данный остров, а именно с народом айну. От них им удалось зафиксировали название острова в формах Шумчу, Шумт, Шум, Шоумшчу. Все эти формы являются вариантами русской передачи айнского слова Shimoshiri «большой остров», а не происходят от японского «сюмусю-то» (оккупированный остров) как полагалось ранее.

Остров Парамушир на японском幌筵島 парамусиру-то — один из островов Северной группы Большой гряды Курильских островов. Название острова возникает из айнского языка Poro moshiri, где Poro «широкий, великий», moshiri «земля, страна, остров», т. е. «широкий остров». В августе 1711 года отряд камчатских казаков высадился на самом северном острове Шумшу, а затем и на Парамушире, где местные жители, превосходившие казаков числом, отказались от подданства и не стали платить ясак. Затем летом 1713 года отряд в составе пятидесяти пяти казаков и промышленников вновь отправился на Шумшу и Парамушир, в этот раз айну признали власть России, приняли православие и вошли в российское подданство путём уплаты ясака камчатским сотникам. Именно благодаря этим историческим событиям остров носит данное название. Российские казаки поступили так же, как и с островом Шумшу, то есть не стали давать свое название, а оставили исконное.

Остров Онекотан — крупный остров вулканического происхождения в составе северной группы Большой гряды Курильских островов. Остров осмотрен геодезистами Иваном Евреиновым и Федором Лужиным с голландским матросом Бушем в 1720 году. Во времена гидрографических описаний конца XVIII—начала XIX веков остров также имел номерное обозначение в составе Курильской гряды — Пятый. Название острова также восходит к айнскому языку, произошло от слова «Онне котан», гдеo онне — «старый, почётный, ценный, большой», котан — «деревня, усадьба, жилище; город, городок, местечко», т.е. первоначально название относилось только к селению на острове, затем российскими геодезисты назвали и сам остров этим же названием.

Географические названия Сахалинской области образуют особое топопространство, содержащее в себе номинации произошедшие от айнского языка.

Все проанализированные острова имеют несколько названий. В

результате анализа названия островов можно поделить на: 1. номинации, возникшие от айнского языка, затем адаптированные под русский язык; 2. номинации, присвоенные русскими первопроходцами (чаще всего антропонимы); две и более номинации, включающие в себя и исконное и данное первопроходцами названия.

Каждый проанализированный топоним имеет как русское, так и название на японском языке. Это связано со сложной историей данных островов. Ведь с конца XVII века и в плоть до середины XX века, острова то отходили, то переходили обратно к России от Японии. На основе этого у японцев появились свои номинации островов, их можно условно разделить на два вида: 1. номинации, произошедшие от айнского языка и затем адаптированные под японские иероглифы. Здесь интересно то, что японцы специально адаптировали свои иероглифы под айнские названия, тем самым немного искажая их прочтения или же вовсе возникало два способа прочтения. 2. Адаптированный, от русской номинации (встречается крайне редко). В большинстве своем номинации обеих стран восходят от одного айнского слова или фразы.

Список литературы:

Комсомольский Г.В. Атлас Сахалинской области. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. 1967. – с. 135

Подольская Н.В. О развитии отечественной топонимической терминологии// Развитие методов топонимических исследований/ Сб. статей / Под ред. Е.М. Поспелова. – М.: Наука, 1970. – С. 57–60

Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований: М.,1986. – с. 455

Черняховская Е.М. История разработки топонимических классификаций. М.,1967. – с. 368

Андросов Семен Семенович - магистрант кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова (г.Якутск).

Айталина АММОСОВА
Кюннэй Григорьевна ЕГОРОВА

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ «МАНЧАРЫ» С.П. ДАНИЛОВА

Статья посвящена анализу языковых средств, формирующих образ национального героя в литературных произведениях. Изучение образа национального героя позволяет не только заглянуть в её прошлое и понять причины тех или иных современных явлений культуры, а также дает возможность глубже почувствовать национальный характер данного народа.
Ключевые слова: *национальный герой, Манчары, образ, глаза, разбойник.*

Aitalina AMMOSOVA
Kiunney G. EGOROVA

THE LANGUAGE IMAGE OF "MANCHARY" BY S.P. DANILOV

The article focuses on the analysis of the language image means that form the image of a national character in literary works. Studying the image of a national character allows not only to look into its past and understand the causes of certain contemporary cultural phenomena, but also provides an opportunity to feel more deeply the national character of a people.
Keywords*: national character, Manchary, image, eyes, robber.*

Манчары описывается во всех литературных произведениях как положительный герой, который всегда борется за справедливость, противник тиранства, заступник обиженных. Далее мы рассмотрим, какие языковые особенности есть в повести С.П. Данилова «Манчары».

Первое, на что обращаешь внимание после прочтения произведения – это то, что в течение всей повести главного героя 33 раза называют «разбойником». Это только подчеркивает, что к Манчары относились неоднозначно. Власть, разные сословия называли его «разбойником, варнаком» именно в общепринятом значении, а простой люд, хоть и называли его так, но в значении как «спаситель, освободитель от гнёта богачей».

«*Манчары не очень верил этим рассказам – ведь и его тоже называли разбойником*» (Данилов, 1971).

«*Все тебя называют варнаком Манчары, разбойником Манчары. И всегда, даже после смерти, будут так называть*».

«*Называли его разбойником, преследовали, сажали в тюрьму*».

«*Беглый разбойник, удравший из тюрьмы царя–батюшки*».

«*Разве ты, как и я, не разбойник? Или считаешь, что, пожалев одного какого-нибудь ползуна, одного какого-нибудь хамначчита, выйдешь сухим из воды? Едва ли! Дурак! И не надейся даже! Все тебя*

называют варнаком Манчары, разбойником Манчары. И всегда, даже после смерти, будут так называть» (Данилов, 1971).

«*Сегодня к нему приедет знаменитый разбойник Манчары, слух о котором прошёл по всему Якутскому краю*» (Данилов, 1971).

В начале повести часто можно встретить слово «*ненависть*». Оно упоминается 10 раз и слово «*месть*» в разных вариациях – 5 раз. Это связано с тем, что в начале своего пути Манчары двигала ненависть и месть к дяде, но после того, как он простил его, он продолжил свое дело только ради справедливости и защиты бедняков.

В самом начале повести «Манчары» автор дает краткие истории о герое, краткие рассказы о детстве, с чего началась его ненависть к дяде.

«*Манчары беззвучно плакал, уткнувшись лицом в тёплую мягкую землю … А Манчары никак не мог успокоиться. Он плакал не столько от боли, сколько от обиды*» (Данилов, 1971). Уже начиная с детства Манчары познал горести жизни, которые даже взрослые не в силах стерпеть. В этом отрывке мы видим, как будущий защитник народа плачет, когда получил наказание за то, что не встретил своего дядю Чочо, а предпочел остаться рядом с простым слепым стариком. Софрон Данилов использовал к глаголу «плакать» наречие «беззвучно». Именно «беззвучно», а не «тихо». Это подталкивает нас на мысль, что маленький Манчары в шестилетнем возрасте умел сдерживать эмоции то ли боясь разозлить ещё больше родственника, то ли чтобы не показать свою слабость. Автор, уточнял, что мальчик плачет не от боли, а от обиды. Обида, которая потом перерастёт в ненависть. К тому же, он плакал «уткнувшись лицом в теплую землю», как бы обычно дети прячут свои лица на груди матерей. Часто землю называют «матушкой», так что теплая земля сравнивается с теплой грудью матери. Описание не столь положительное, сколько отрицательное, так как повесть только начинается, мы пока не видим четкую позицию автора по отношению к герою, также и окраску описаний.

История набирает оборот, когда Манчары исполняется восемнадцать. В этом отрывке мы видим образ парня, который только начинает жить, но уже познав жизнь всем сердцем ненавидит своего дядю:

«*Он стал необыкновенно красивым юношей; из-под высокого лба открыто и доверчиво смотрят смолисто – чёрные глаза*» (Данилов, 1971). Хотя в описании используются довольно распространённые слова, которые используются в большинстве рассказах, но при этом именно такие распространённые слова показывают нам Манчары как человека, который особо не отличался от других. Внешность юноши был необычайно красива, но и его внутренний мир был так же чист, несмотря на ненависть к дяде, как у всех молодых людей, для которых жизнь только начинается. Окраска в этих описаниях положительная и

показывает, что, хотя герой полон ненависти к родственнику, но до сих пор открыт и доверчив.

«*Люди с любовью и восхищением смотрели на него. «Из Манчары, сына Бытааны, выйдет настоящий мужчина», – предсказывали старики. Девушки тайком слагали о нём песни. Щёки их рдели румянцем при одном упоминании его имени. И только один человек не любил Манчары. Это его родной дядя Чочо бай*» (Данилов, 1971). В описании Манчары использованы простые слова, которые не украшены какими-либо средствами словесной образности. Из описания следует, что Манчары вырос красивым юношей, которым восхищались и старики, и дети. Человек, вызывающий восхищение в глазах народа, был не только красив внешне, но и можно было увидеть его красоту внутреннего мира в глазах старших. Ведь, старшее поколение, имея богатый жизненный опыт, хорошо разбирались в людях и не зря восхваляли Манчары.

«*Племянник открыто ненавидел его за жадность, за издевательства над неимущими людьми, в особенности соседями. Чочо несколько раз пытался образумить парня, но из этого у него ничего не получалось. Пробовал и задобрить его, обещал подарить ему молодого коня, если племянник будет почтительным и благоразумным. Но Манчары не поддавался на уговоры и посулы. Не стал послушным и после «премии» Чочо на прошлогодних состязаниях – после трёх ударов розгой*» (Данилов, 1971). Если разобрать данное описание, то мы можем понять характер нашего героя. Несмотря на свою доверчивость, некоторую наивность, доброту Манчары ненавидел своего родственника. Но ненависть – это результат отношения Чочо к своему племяннику. И как бы тиран не пытался задобрить, Манчары не поддавался, что даёт понять, что он человек гордый и даже можно сказать, злопамятный. Здесь окраска описания более негативная, чем в предыдущих описаниях. Что делает повесть более реалистичной и жизненной.

«*Давно не стриженные усы свесились по обе стороны рта*» (Данилов, 1971). Здесь хорошо видна картина безысходности героя. Именно отросшие усы описывают сложную жизнь Манчары. Возможно, именно они рисуют его душевное и внешнее состояние: грустное, разбитое, падшее.

Мы разобрали эпитеты и тропы, которые были использованы в повести Софрона Данилова «Манчары». В большинстве случаев встречаются тропы, описывающие состояние души Манчары или его внешность.

В ходе исследования мы выяснили, что больше всего при описании героя употреблены пояснительные эпитеты, то есть эпитеты, указывающие на значительные черты Манчары, которые присущи только для него. Например, «*с тех пор как поймали его, юноша сильно*

изменился. Он очень похудел, отчего казался ещё выше. От румянца на лице и следа не осталось. Глаза, раньше так жизнерадостно блестевшие, глубоко ввалились и горели лихорадочным, зловещим огнём. Круглые, полные прежде щёки впали и пожелтели». Здесь автор, используя контрастные эпитеты, противопоставляет описание внешности героя, как бы делая акцент на изменении. Глаза раньше блестели – глаза ввалились и горели лихорадочным огнём, полные щёки – впавшие и пожелтевшие щёки. Софрон Петрович использовал эпитеты как дополнение к глаголам, которые описывают глаза как нечто яркое, блестящее. Например, раньше они «*жизнерадостно блестели*» - здесь используется глагол «блестеть». Блестит то, что может дать свет. А потом они «*горели лихорадочным, зловещим огнём*» - тут используется глагол «гореть», горит огонь, который тоже светит. Эпитеты здесь поясняют состояние души Манчары, и по ним мы можем понять, что случилось в его жизни, они создают особый усиливающий эффект: глаза не просто «блестели», а «*жизнерадостно блестели*», то есть были полны жизни и радости, не познал он ещё всех тех тяжких бед, что случится в будущем. Дальше глаза не просто «горели огнём», а «*горели лихорадочным, зловещим огнём*», понимаем, что у описываемого героя на душе тяжело, сердце полно ненависти и злобы, значит, в жизни случилось что-то такое, после чего его мировоззрение поменялось полностью.

«*Твёрдым, решительным взглядом он пристально смотрел вдаль, поверх базарной площади*» (Данилов, 1971). Манчары смотрел поверх всех невзгод (базарной площади) и смотрел он вдаль своей жизни, в своё будущее, пытаясь, отгородиться от настоящего. И его взгляд был твёрд и решителен. Эпитеты усиливают эффект уверенности путем построения друг за другом.

«*Это был взгляд, полный презрения и ненависти, взгляд, горящий огнём вражды и вечного мщения*». Идущие друг за другом, эпитеты («*полные презрения и ненависти, горящий огнём вражды и мщения*») дают более усиливающий эффект. Это не просто ненависть к дяде, а только по одному взгляду мы можем сказать, что стоящий напротив человек, способен на многое, ради справедливости и защиты своего народа. Использование синонимов, как и последующие эпитеты, показывает более эффектное представление о состоянии души героя. Синонимы: презрение – ненависть, вражда – месть. Окраска этих слов отрицательная, а акцент сделан во взгляде. Опять же, по отношению к глазам Манчары, автор использует слово «*огонь*».

«*Перед ним стоял не тот мальчишка, которого раньше он мог безнаказанно бить и оскорблять, а суровый мужчина с горящими ненавистью глазами*». И снова – глаза, горящие огнём ненависти. Контраст: мальчишка – мужчина. Эпитет «*суровый*» усиливает эффект контраста, мужчина, не просто повзрослевший мальчик, которого

можно было бить, когда душе угодно и при этом не получать наказания, а суровый мужчина, который может постоять за себя.

«*А Манчары, увлечённый жаждой мести*» (Данилов, 1971). Не единожды употреблённое слово «месть» в разных отрезках времени и в разных вариациях показывает, что жизнь Манчары плотно связана с этим словом. Даже отказавшись от этого сильного чувства и простив дядю, он до конца жизни расплачивался за поступки своей мести. «*Жажда мести*» – использование автором существительного «жажда» навеивает нас на мысль, что автор хотел показать, как его герой увлечен местью, что месть на первом месте в его жизни.

«*Этот якут с суровым лицом и острым взглядом*» – эпитет «суровый» наряду с эпитетом «острый» написаны в виде прилагательных, которые рисуют нам образ серьезного человека.

«*Человек приятной наружности, в летах, с ясным взглядом больших круглых глаз, и с протянутой рукой подошёл к нему*» - здесь первое, что притягивает внимание, – это выражение «*с ясным взглядом круглых глаз*». Ясный взгляд – эмоциональное окрашивание положительное, часто используется для описания положительного героя. Прилагательное «*ясный*» использован в значении «светлый, ничем не затемненный».

Именно для описания внешности до и после ссылки, автор использует множественные эпитеты. Тем самым, не просто перечисляет изменение во внешности, а именно эмоционально окрашивает, как бы выделяя ту или иную часть тела. Особенно Софрон Данилов выделяет взгляд Манчары. Именно глаза, как известно, являются зеркалом души и автор, умело используя это, показывает внутреннее состояние души героя.

«*Не молодой паренек, а суровый мужчина с горящими ненавистью глазами. Перед тойоном стоял высокий плечистый человек*». В описании образа героя автор использует эпитет за эпитетом. «*Не молодой паренек*» - это тавтологический эпитет. «*Паренек*» уже подразумевает молодого, еще зеленого человека, но использование эпитета «*молодой*» усиливает эффект того, что в самом начале своего пути Манчары был совсем юн и молод, многого не знал и только начинал жить. Противопоставление возраста героя дает нам понять, сколько времени было пройдено, создавая контраст между совсем зеленым Манчары и взрослым, повидавшим все мужчиной. «*С горящими ненавистью глазами*» - акцент на глаза, который автор часто использует, дает нам понять, что, хоть и Манчары давно забросил благородные дела, но его огонь ненависти все еще горит.

«*Стоял не измождённый дряхлый старик – это был прежний Манчары, молодой, статный, с орлиным взглядом, вздрагивающими ноздрями, напряжёнными мышцами*». В этом предложении Манчары предстает перед читателем обновленным, несломленным, всё таким же

упрямым и сильным духом. Здесь можно заметить, что автор уместно описывает его взгляд – «*орлиный*», то есть острый, зоркий, словно устремленный вперед. Герой готов с полной отдачей побороться за справедливость.

«*Но, увидев покрасневшее от злости лицо и раздувшиеся ноздри Манчары, Амоча остановился. Ещё ни разу он не видел, чтобы его спутник был так сильно разгневан*» (Данилов, 1971). Эпитеты в словосочетаниях «*покрасневшее от злости лицо, раздувшиеся ноздри*». Поясняющие эпитеты показывают степень злости, он не просто зол, а даже покраснел от злости и раздувшиеся ноздри указывают на то, как он сдерживает свои эмоции.

«*В дни тяжёлых испытаний и страданий, когда он бывал настолько угнетён и подавлен, он почувствовал себя в безысходном положении, словно попал в тупик подземного хода, пред ним мысленно возникал образ этой женщины*». Синонимичные существительные «*испытание*» и «*страдания*», слова «*угнетен*» и «*подавлен*» удваивают эффект предоставленные судьбой трудности в жизни Манчары. Его дорога полна кочек, но когда ухабы становятся больше, то кажется, что это конец пути. Он представляет свой конец пути как «*тупик подземного хода*». Тупик, когда нет выхода, когда уже кажется, что это конец. Но особое внимание привлекает сравнение его жизни с подземным миром. Подземный мир всем известен своей мрачностью, там нет ни света, ни тем более надежды. Вот и Манчары кажется, что его жизнь, наполненная страданиями и гонениями, похожа на подземное царство, где он потерял свет надежды. Но слово «дни» в начале предложения, говорит нам о том, что такое состояние души Манчары бывает не часто и не долго. Что дольше, чем «дни» они не продолжаются. Здесь использованы синонимичные эпитеты и метафора «тупик подземного мира».

Таким образом, больше всего в описании национального героя Манчары встречаются эпитеты, которые описывают внутреннее состояние персонажа.

Особенно автор выделяет глаза Манчары: «*твёрдым, решительным взглядом он пристально смотрел вдаль, это был взгляд, полный презрения и ненависти, взгляд, горящий огнём вражды и вечного мщения, суровый мужчина с горящими ненавистью глазами*». Из этих описаний мы можем сказать, что герой Якутии человек хоть и добросердечный, справедливый, он ещё и твердый в решениях, суровый, часто поддаётся своим эмоциям. Его настроение можно было распознать по его глазам, которые Софрон Петрович описывает не раз.

В повести мы можем встретить сравнения героя с природой, как бы показывая состояние души Манчары, например, с птицами, что показывает нам любовь Манчары к свободе и так далее.

«*Манчары поехал на восток – туда, откуда утром взойдёт солнце; Амоча – на запад, туда, где начало алеть небо перед закатом солнца*». Это скрытое сравнение героя с природой, как будто природа повторяет его внутреннее состояние. В повести описание природы динамично. Автор показывает нам то безмятежный рассвет, то беспокойный закат; сезонные переходы от зимы к весне, от цветения природы к её увяданию. Амоча и Манчары – оба разбойники, которые грабят богатых, но в отличие от Амочи, у Манчары благие намерения, он никогда не убивал людей, в его сердце есть ненависть только к своему родственнику из-за его тирании. Две обратные стороны, две противоположности. Восток – олицетворение начала, восхода, добра, рассвета, а Запад – закат, конец, заход, и после заката наступает ночь. А рассвет – свет после тьмы. Путь на восток – путь к жизни, можно понять, как бессмертное имя национального героя, а путь на запад – его история закончилась, и никто о нем так и не услышал. Контраст здесь употребляется, для изображения того, что наш герой имеет положительный характер. Ведь рассвет и закат так похожи, но при этом они такие разные и противоположные. Так же, как и эти два персонажа, похожие и делающие одно дело, преследуют совершенно разные цели и являются противоположностями друг друга.

«*Представь себе это, вдумайся и смягчись, как печень налима, распушись, как шкурка соболя, посмотри ласковыми глазами, повернись и уйди в солнечную сторону*». Здесь мы видим сравнение: «*вдумайся и смягчись, как печень налима, распушись, как шкурка соболя*». Эти сравнения написаны в виде сравнительного оборота, образованные при помощи союзов «как». «*Смягчись, как печень налима*» – это авторское сравнение, не использованное до этого ни кем, поэтому точного значения нет. Можем сказать, что печень налима является по своей субстанции мягким, нежным органом. Исходя из этого, такое сравнение говорится, когда говорящий обращается к собеседнику прося быть его помягче с его решением, просит пересмотреть свои взгляды.

А теперь рассмотрим другое сравнение - «*распушись, как шкурка соболя*». Соболь известен своей мягкой, пушистой и нежной шкурой. И он высоко ценится в народе, и сравнение со шкурой этого животного можно встретить в произведениях довольно часто. К примеру, соболиные брови – густые красивые брови, густые, как соболиная шкура, волосы. Если распушить соболиную шкуру, то получится очень пушистая и мягкая пушнина. Поэтому, можем предположить, что автор имел виду, когда человек смягчается, открывается. Стоит обратить внимание, что также мы видим словосочетание «*уйди в солнечную сторону*», что, скорее всего, в данном контексте, относится к светлой стороне, к добру. То есть этот человек обращается к Манчары с просьбой, чтобы тот смягчился, открылся и обратился к свету. Здесь мы

видим героя как человека, который потерялся в своих заботах, ожесточился, и его решения стали тверды, и находится он на тёмной стороне. Данное описание вполне негативно отражается на имидже Манчары.

Также, в повести мы видим песню, исполненную Манчары о самом себе.

(а) – *По сравненью с тобой*
Я, несчастный,
Тёмной ночи
Сродни,
Туче грозной
Подобен,
С бурей снежною
Схож,
Знаюсь
С лютым морозом
И бурями.
Я тот,
Кого жаркий луч солнца не греет,
Кого лунная ночь не баюкает,
Кто с горем и болью сдружился,
Кто тяжкими думами полн,
Кто внемлет несчастьям,
Кто слышит все муки, —
Это я! (Данилов, 1971).

В отрывке а) присутствует много сравнений. Манчары сравнивает себя и с тучей, и бурями, и морозами. Говорит, что его жизнь полна страданий и он глубоко несчастен. Опять же его жизнь темна, как ночь в самый поздний час. Также, как известно, тучи, гроза, буря – это предвестники несчастья, горя, бедствий. Он сравнивает себя со стихией ветра (два раза поется о том, что схож с бурей). Именно буря, как образ мятущейся души, у которой нет покоя, а не ветер, который символизирует свободу. Тут можем увидеть, как Манчары поёт о том, что он несет боль и страдание, но при этом сама его жизнь тоже не полна радостных дней.

«*По сравненью*» не типичное написание слова «*сравнение*» ничем не связано, и является авторской задумкой. Никой смысловой нагрузки не несет.

(б) *Я тот,*
Кто с бесправьем и гнётом мириться не мог,
Кто все блага земли
Променял на борьбу,
Кто лишился всего
Ради общего счастья (Данилов, 1971).

Здесь Манчары в своей песне описывает себя как мученика, который ради блага других лишил себя счастья. Во второй строчке написано о его причине становления разбойником, о его сильно развитом чувстве справедливости. Он не мог смириться со всем тем, что происходит, не мог сидеть и ждать, что кто-то вместо него исправит все это. А вместо этого стал именно тем, кто старается менять и сделать лучше.

– Я как птица, застрявшая
В старом дупле,
Я ослеп и забыл,
Куда нужно лететь,
Я устал, и бессилье
Свалило меня.
И тогда
Дорога моя пресеклась,
Точно пашня,
Мой путь завершился,
Как след у порога… (Данилов, 1971).

Во второй части второго куплета мы видим ряд сравнений, которые указывают на то, что он потерялся, обессилел и почти готов сдаться. И он пришел к известной своей мудростью женщине и просить совета.

Опять же сам Манчары использует явное сравнение с птицей:

Я как птица, застрявшая
В старом дупле,
Я ослеп и забыл,
Куда нужно лететь (Данилов, 1971).

Причастный оборот в предложении показывает, что застрял в череде дней, все его действия ему, кажется, не помогают тем, кому они направлены. Он птица, любящая свободу и застрявшая в старом дупле, который олицетворяет старый мир с устоями, который пытается поменять Манчары. Мы можем охарактеризовать это как перенос значения. «*Лететь*» - значит иметь цель, куда можно лететь, но он «*ослеп и забыл*» – не видит цели и забыл то, ради чего боролся.

В представленной песне мы четко осмысливаем все те тяготы, которые испытывает Манчары на тот момент, искусно использованные автором сравнения, необремененные сложными приёмами, легки в понимании читателей и его перенос значения можно угадать без усилий.

Далее мы видим сравнения Манчары с птицей – символом свободы, легкости, вольности.

«*Вот бы витать беспечно и беззаботно в этом беспредельно голубом просторе, как тот жаворонок, что трепещет там, в далёкой выси*». Манчары в этом отрывке сравнивает себя с

жаворонком, который свободен в своем полете и не знает людских забот. Использование глагола «витать» – парить, над невзгодами, не прилагая усилий просто следовать дуновению ветра, а не «летать» идти к направленной цели, прилагая силы к этому. «В далёкой выси» мечтает быть выше всего того, что происходит в своей жизни.

Помимо этого, мы обнаружили сравнения: «*Порой казалось, что он не бежит, а летит словно птица; Эх, мчится как вихрь!*». Вихрь – знак жизни. Не зря автор сравнивает героя с этим природным явлением, ведь Манчары, как и вихрь, кружит и сметает все на своём пути, меняет привычный расклад жизни и его установки. Также стихия воздуха отождествляется со свободой. И повторение слова «птица» (до этого сокол и орёл), тоже как символ свободы.

Также кроме эпитетов были использованы такие тропы как метафора: «*Сокол Манчары; Лети, улетай, северный орёл; – Прощай, мой орленок Манчары!*». В данном предложении сокол и орёл выступают ореолом вдохновения, красоты и полета. Не зря у якутов образ свободного и гордого человека, «парящего» выше всех проблем и зла, изображается в виде птицы. «*Северный орёл*» отождествляет Манчары как «якутского свободолюбивого героя». Жизнь его освещена духом свободы. А «*северный*», потому что Манчары дитя Севера, дитя Якутии. Сравнение Манчары именно птицы, как знак того, что он герой отождествляющий свободу. Ведь именно это слово в большинстве случаев используют для сравнения со свободой. Написание этих метафор в виде существительного дает нам более четкий образ.

«*Грозный меч Манчары опять занёсся над усадьбами могущественных баев. А в покосившиеся тесные юрты бедняков слух о его возвращении вошёл как солнечный луч, как светлая, долгожданная мечта*». Метафора «*Грозный меч Манчары*» здесь отождествляется с мечом Дамокла, то есть нависшая угроза над головами бесчестных богачей. «*Опять*» дает понять о неоднократном, повторяющемся событии. Множественное число показывает нам то, что нечестивых тойонов много. Прилагательное «*могущественная*» дает понять, что первыми на пути Манчары встанут самые богатые, чье могущество захватило больше людей. Эти два предложения написаны в контрасте друг с другом, показывая на разницу между богачами и бедняками: «*усадьбами могущественных баев*» – «*покосившиеся тесные юрты бедняков*», «*грозный меч Манчары*» – «*солнечный луч*». Глаголы, имеющие разные эмоционально-оценочные окраски, ясно указывают на отношение Манчары к людям. Над богачами «*занесся*», как угроза и приближающаяся расправа, а для бедняков он «*вошёл как солнечный луч*». А метафора «*солнечный луч*» – олицетворение надежды в темном мире. Сравнивают возвращение Манчары с долгожданной мечтой, мечтой о том, что возможно они станут следующими на пути освобождения.

«*Вот он, оказывается, какой – гроза якутских баев, заступник бедняков*». Самая известная метафора, которая показывает всю суть подвигов Манчары и используется при упоминании героя – «*гроза якутских баев, заступник бедняков*». Используя метафору, автор рассказывает о переменах, оказывающий Манчары на «темную» жизнь той Якутии. Окраска в этом предложении положительная, так как показывает нам того, кто противостоит несправедливости мира.

Проанализировав повесть, можно прийти к выводу, что Манчары был человеком отважным, честным, сострадательным и сообразительным человеком, сторонником справедливости. По представлению якутов, таким и должен быть национальный герой, пожертвовать собой ради народа, быть примером для них. Он словно птица, летящая на небесах, не зря автор несколько раз использует метафоры, связанные с птицей: «*Сокол Манчары; Лети, улетай, северный орёл*» и так далее. Также есть частое сравнение Манчары с природными явлениями: «*Манчары поехал на восток, туда, откуда утром взойдёт солнце; Амоча – на запад, туда, где начало алеть небо перед закатом солнца*». Субъектом сравнения всегда выступает Манчары, а предикат – природные явления. В тексте несколько раз повторяется слово «разбойник». Возможно, автор рисует образ человека, обладающего магической силой влияния на людей, ведь в повести герой отступает от нравственных законов, выступая в качестве защитника отдельного человека или народа. Но, может быть и так, что он играет роль самого настоящего преступника. Здесь, кажется, автор оставляет для читателей пищу для ума и каждый сам решает, кто на самом деле Манчары. Мы можем часто встретить описание эпитетами взгляд и глаза Манчары, автор несколько раз выделяет эту часть лица, когда описывает состояние души героя: «*Глаза, раньше так жизнерадостно блестевшие, глубоко ввалились и горели лихорадочным, зловещим огнём; твёрдым, решительным взглядом он пристально смотрел вдаль, поверх базарной площади; это был взгляд, полный презрения и ненависти, взгляд, горящий огнём вражды и вечного мщения*». Эпитеты усиливают эффект эмоционально-оценочной окраски и дают более четкое представление о внутреннем состоянии Манчары.

Список литературы:

Баевский В. Тридцать лекций о Золотом веке русской литературы. Изд-во СмолГУ, 2009. 31 С.

Данилов С.П. Манчары. – Москва: Изд-во Детская литература, 1971.

Ефимов Ф.П., Кириллин Д.В. Ааспыт үйэлэр үһүйээннэрэ уонна чахчылара. Дьокуускай: Бичик, 2005. 11-18 С.

Иванова Л.И., Попова К.Н., Шарина О.К. Манчаары маҥан ата, Манчаары албан аата (1805—1870): библиогр. ыйынньык / Майа киин б-ката. Дьокуускай: Кудук, 2000. 55 С.

Кулаковский А.Е. Манчары. Якутск, 2005. 7-8, 22-29, 49 С.
Пестерев В. И. История Якутии в лицах. Якутск: Бичик, 2001. 62—66, 464 С.
Петров П.П. Манчаары Баһылай – саха норуотун национальнай геройа. Дьокуускай: ИГИ АН РС(Я), 2006. 42 С.

Аммосова Айталина– студентка кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск), *ammosova.aitalyyna@mail.ru*,

Егорова Кюннэй Григорьевна – старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск), *kiounnei1@yandex.ru*

Александра Владимировна ИВАНОВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ КАК ФЕНОМЕН КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается экономическая карикатура как феномен креолизованного текста, состоящий из графического и вербального компонентов, создающий единое смысловое целое. Изучаются пресуппозиции о состоянии российского рубля на международном рынке с 2014 по 2018 годы, необходимые для интерпретации и понимания юмора, заложенного в экономических карикатурах. Целью исследования является определение карикатуры как вида креолизованного текста в экономическом дискурсе.

Ключевые слова: *экономическая карикатура, креолизованный текст, экономический дикурс, рубль, экономический кризис*

Alexandra V. IVANOVA

ECONOMIC CARICATURE ABOUT MODERN RATE OF RUSSIAN RUBLE AS A PHENOMENON OF CREOLIZED TEXT

This article considers the economic caricature as a phenomenon of creolized text consisting of graphic and verbal components, creating a single semantic whole. Background knowledge about the state of the Russian ruble in the international market from 2014 to 2018 is studied, which is necessary for interpretation and understanding of humor inherent in the economic caricatures. The main purpose of the work is to identify the caricature as a creolized text in economic discourse.

Key words*: economic caricature, creolized text, economic discourse, ruble, economic crisis*

За последние годы (с 2014 по 2018) у валюты РФ нестабильные позиции на международном рынке по отношению к американскому доллару и евро. После непродолжительного укрепления и стабилизации с весны 2018 года снова начались колебания российского рубля. Причиной падения курса являются новые санкции США против России, введенные 6 апреля текущего года, и обострение ситуации вокруг Сирии.

На сегодняшний день экономические карикатуры о российском рубле мало изучены, однако, они являются значимой частью экономического дискурса, поскольку такие карикатуры оказывают сильное воздействие на весь социум в целом. Для множества карикатуристов российский рубль стал наиболее актуальной темой. Помимо этого, карикатуры играют важную роль в СМИ, потому что они содержат в себе изобразительные и вербальные части, и читателю легче усваивать такой материал, чем тексты или новости.

Целью исследования является определение карикатуры как вида креолизованного текста в экономическом дискурсе.

В качестве материала исследования использованы 12

англоязычных экономических карикатур о состоянии рубля с 2014 по 2018 годы в мировом сообществе. Источниками карикатур послужили интернет-сайты «MT5.com», «Cartoonstock.com» и «Instaforex.com». Сайт «MT5.com» - это универсальный портал для трейдеров и в мире Форекс. Сайт «Istaforex.com» - это международный брокер, предоставляющий выход на международные финансовые площадки по всему миру.

Экономический дискурс - это совокупность всех речевых актов в сфере экономики, созданные профессионалами, неспециалистами и журналистами устные и письменные тексты или их фрагменты, которые используются при описании и характеристике реалий экономического мира (Евтушина, Ковальская, 2004; Махницкая, 2002).

Среди основных целей экономического дискурса выделяют: освещение событий в экономической жизни; изучение направлений развития экономики и уровня жизни населения; информирование граждан о состоянии экономики; создание экономических теорий; формирование определенного отношения к различным изменениям и побуждение к определенным действиям (Чудакова, 2005).

Основными участниками экономического дискурса являются юридические и физические лица (государство, журналисты, ученые, научные сотрудники, преподаватели и т.д.) (Чугреев В.).

Экономический дискурс также имеет такие особенности: лексическая и грамматическая связность (когезия); контекстность; целостность (когерентность); когнитивность; компетенция участников речевой ситуации; адресованность (Какенова А.М.).

Экономический дискурс - это особое семиотическое пространство, состоящее из языковых и графических знаков, а также тезауруса прецедентных высказываний и текстов (Тлехатук С. Р.).

Основными жанровыми видами экономического дискурса являются: карикатуры, рассказы, фельетоны, инсценировки, очерки; интернет статьи; интервью; обозрения; газетные репортажи; комментарии; теле- и радио трансляции и так далее (Гак, 1966: 97 – 106).

Считается, что карикатура - это один из видов креолизованных текстов, который весьма эффективно используется в дискурсе, одновременно с кинотекстами, текстами радиовещания, средствами наглядной агитации и пропаганды, плакатами, рекламными текстами и комиксами (Артемова, 2002; Попова, 1998: 114). Основными задачами карикатуры является:

- привлечь к изображению непроизвольное внимание.
- удержать привлеченное внимание зрителя и укрепить его интерес.

- внести элемент отстранения, отчуждения, незнакомый смысл, чтобы зритель не просто узнал, что изображено на карикатуре, но и понял ее и зафиксировал смысл (Качало А. А.).

Креолизованным можно назвать только такой текст (по сравнению с иллюстрациями, размещенными с текстом), отдельные части которого (языковая и иконическая) формируются единовременно (обычно одним автором), в противном случае нарушается прагматическая ценность текста (Энциклопедия Кругосвет).

Чувство комического в карикатуре представлено возможностью увидеть в жизни нелепость и посмотреть на вещи под абсолютно другим углом зрения (Большая энциклопедия карикатуры). Карикатуристы в своих работах для достижения комического эффекта используют разные графические и языковые приемы такие, как метафора, гипербола, олицетворение, ирония, синекдоха и др. (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 1998: 685).

Языковые и графические приемы играют большую роль на восприятие карикатуры читателями. Любая карикатура может восприниматься в разных направлениях: от невербальной части к языковой и наоборот. Один человек смотрит на рисунок и только потом знакомится (или не знакомится) с комментарием, посвященным художнику. Другого человека больше интересует содержащаяся в языковой части текста информация. Он воспринимает иконический компонент как иллюстрацию, отдельное приложение к языковой части текста (Ведьманова, 2010: 11-13).

Языковые и иконические составляющие креолизованного текста карикатуры являются единой системой, влияющей на реципиента (Кулягина, 2015: 98-99; Розин, 2006: 26).

Чтобы понять юмор и смысл, заложенный в карикатуре, реципиент должен обладать определенными фоновыми знаниями, их называют пресуппозициями, означающими семантический компонент, обеспечивающий наличие в утверждении смысла (Анисимова, 2003: 128).

Необходимо в совершенстве владеть фоновыми знаниями, чтобы понимать смысл карикатуры какой-либо страны. Читатели не всегда понимают смысл при просмотре иностранных карикатур. Это вызвано недостаточностью знаний культуры, традиций, языка, особенностей жизни того или иного народа. Только тогда можно полностью понять комический смысл карикатуры, когда ее тема является актуальной для всех людей (Герасимова, 2008: 10-27).

В качестве примера рассмотрим две карикатуры, показывающие разные состояния российского рубля за последние годы, т.е. за 2017 и 2018.

Карикатура (рис. 1) из сайта «Instaforex» опубликована 14 июня

2017 года, автор неизвестен (Instant Forex Trading).

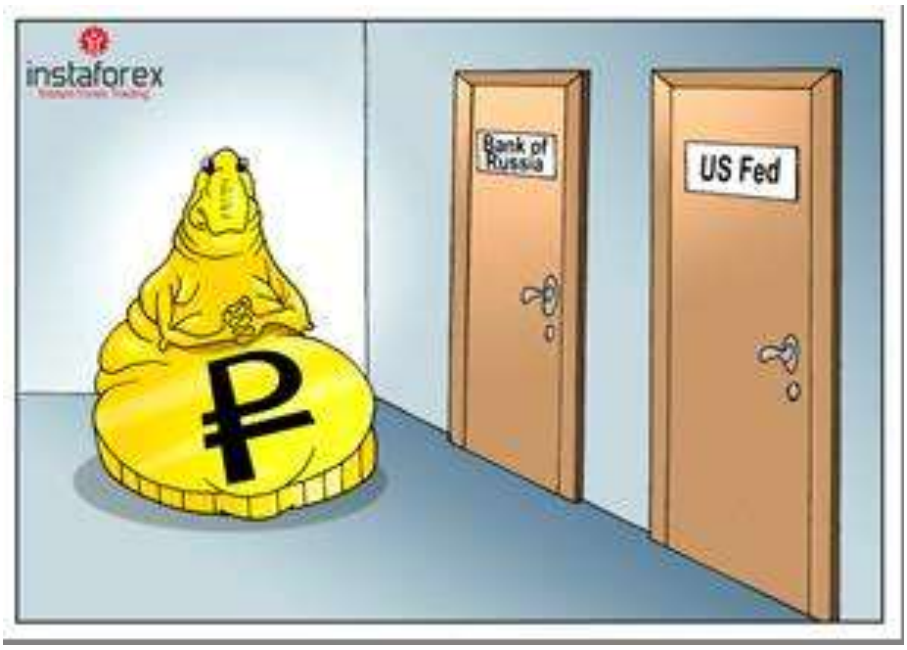

Рис.1

Данная карикатура хорошо отражает состояние рубля в 2017 году, так как с мая по июнь того года курс рубля находился в стабильном и равновесном состоянии. Но на многих информационных сайтах говорилось о том, что на июньском заседании ФРС, по мнению большинства аналитиков, в очередной раз повысит процентные ставки, а Центробанк РФ, наоборот, по мнению того же большинства аналитиков, снизит процентную ставку на 0,25 процентного пункта. И дальнейшая судьба рубля будет зависеть от решений вышеперечисленных организаций.

В этой карикатуре использовано олицетворение и иконическая метафора, так как автор нарисовал рубль похожим на «Ждуна». Ждун – по всему миру популярный интернет-мем, представляющий собой изображение скульптуры помеси насекомого и слона, означающей «ожидание». Что касается вербальной части карикатуры, то на дверях висят таблички с надписями «Bank of Russia» и «US Fed». «Bank of Russia» и «US Fed», можно перевести как «ЦБ РФ» и «ФРС США». Они выступают в качестве пояснения. Автор изобразил рубля в виде Ждуна с целью показать, что стабилизация валюты РФ временное явление и его дальнейшая судьба зависит от решения ЦБ РФ и ФРС США. Фон карикатуры серо-голубого цвета показывает на двоякий конечный исход (плохой = серый, хороший = голубой).

Карикатура (рис. 2) из сайта «Mt5.com» опубликована 13 апреля 2018 года, автор неизвестен (Forex trading portal).

Рис.2

На этом изображении автор нарисовал президента США Дональда Трампа, плывущего на лодке с долларом, а также тонущего российского рубля. В карикатуре автор использовал олицетворение, так как он очеловечивает рубль и доллар. Кроме олицетворения, здесь присутствует метафора, она выражена в иконической части. В данной карикатуре иконическая метафора означает, что рубль переживает не самые лучшие времена, так как очередной пакет санкций со стороны США серьезно ударил по валюте. Очередным поводом для усиления санкционного режима стала недавняя химическая атака в Сирии. Мировое сообщество обвинило в случившемся правительственные войска Асада и Россию. Вербальным компонентом карикатуры является надпись на лодке «Sanctions», которая переводится как «Санкции». Здесь вербальная составляющая уточняет наглядную часть карикатуры. Фон карикатуры значительно темнее, чем на предыдущем изображении 2017 года, который означает, что снова наступили трудные времена и новые испытания.

Исследование показало, что экономическая карикатура о состоянии российского рубля является: 1) одним из основных жанровых видов экономического дискурса, т.к. экономический дискурс может иметь лексическую и грамматическую связность; контекстность; целостность; когнитивность; компетенцию участников речевой ситуации; адресованность; 2) способом передачи основных целей экономического дискурса, как освещение экономических событий о курсе рубля; информирование граждан о состоянии экономики страны; формирование определенных отношений к различным изменяющимся ситуациям; побуждение к определенным действиям; 3) видом креолизованного текста, где вербальный и

иконический части тесно связаны, и они не могут быть поняты, если один из них отсутствует; 4) творением одного автора и ее участниками являются юридические и физические лица (государство, журналисты, ученые, научные сотрудники, преподаватели и т.д.); 5) средством высмеивания экономических событий или явлений, где авторы используют графические и языковые приемы, как олицетворение, метафора, риторический вопрос, устойчивые выражения; отсутствует употребление иронии, гиперболы и синекдохи; 6) объектом, фоновыми знаниями (пресуппозициями) которого необходимо владеть в совершенстве, чтобы понимать смысл карикатуры какой-либо страны; 7) объектом, где авторы используют грамматически несложные виды предложений такие, как побудительные, вопросительные и повествовательные; 8) средством передачи ключевых существительных и глаголов для того, чтобы наиболее ясно передать суть события в одном кратком предложении.

Список литературы:

Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. Пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Академия, 2003. – 128 с.

Артемова, Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса: Дисс. на соиск. канд. фил. наук. – Волгоград, 2002. – 175 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01002338372 (дата обращения 16.03.18).

Большая энциклопедия карикатуры [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.cartoonia.ru. – (дата обращения 10.02.2015)

Ведьманова, Е. Е. Основные виды гипертекста в англоязычном аутентичном искусствоведческом комментарии. - Самара 15.03.2010. С. 11-13.

Гак, В.Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова //ВЯ - 1966. - № 2. - с. 97 - 106.

Герасимова, И. А. Визуальный образ (Междисциплинарные исследования). - М.: ИФ РАН, 2008. — 247 с.

Евтушина, Т.А., Ковальская, Н.А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 42–46.

Какенова, А.М. Экономический дискурс как основа экономической терминосистемы [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://journals.altspu.ru/5-floor/issue/viewFile/68/2 (дата обращения 02.01.18)

Качало, А. А. Лингвовизуальные тексты в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://elib.spbstu.ru/dl/2/v16-500.pdf/download/v16-500.pdf (дата обращения 20.02.18)

Кулягина, А.А. Особенности политической карикатуры и её функции // Молодая наука. 2015. – С. 98-99.

Махницкая Е.Ю. О современном экономическом дискурсе // Речевая деятельность. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Таганрог, 2002. - С. 158-161.

Попова, Е.С. Лингвокультурологический аспект проблемы нормы в рекламном тексте (114)// Русский язык в контексте современной культуры, - Екатеринбург, 1998. – С. 114

Розин, В. М. Понятие и современные концепции техники. – М., 2006. – 26 с.

Тлехатук, С. Р. Экономический дискурс как вербализованный фрагмент человеческого опыта: социокогнитивный аспект [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-diskurs-kak-verbalizovannyy-fragment-chelovecheskogo-opyta-sotsiokognitivnyy-aspekt. (дата обращения 10.05.2017)

Чудакова, Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10. 02. 01 – русский язык) – Екатеринбург, 2005. – 238 с.

Энциклопедия Кругосвет: Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html. – (дата обращения 16.02.2017)

Языкознание. Большой энциклопедический словарь // Гл. ред. Ярцева В. Н. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.

Forex trading portal [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.mt5.com/forex_humor/ - (дата обращения 26.04.2018)

Instant Forex Trading – информационный сайт [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.instaforex.com/ru/instatrade.php. – (дата обращения 25.05.2017)

.

Иванова Александра Владимировна - старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *alexas6@yandex.ru*

Анна Анатольевна ГРИГОРЬЕВА
Михаил Антонович КИМ

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА В КИТАЙСКОМ И ЯКУТСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассмотрены пословицы и поговорки с терминами, обозначающими родство по супружеству. В китайской фразеологии широко представлены выражения с терминами родства. Терминология родства является одной из важнейших лексических групп в основном словарном фонде китайского языка. В пословично-поговорочных выражениях якутской фразеологии достаточно примеров, где можно выделить особенности родственных отношений у якутов. Также в них отражена система ценностей и самобытность культуры народа.

Ключевые слова: *пословицы, поговорки, термины родства, семья, обычаи*

Anna A. GRIGORYEVA
Mikhail A. KIM

PROVERBS AND SAYINGS WITH KINSHIP TERMS IN CHINESE AND YAKUT LANGUAGES

In this article, proverbs and sayings with terms denoting kinship in a marriage will be considered. In Chinese phraseology, expressions with terms of kinship are widely represented. Kinship terminology is one of the most important lexical groups in the main Chinese vocabulary database. In the proverbial and proverbial expressions of the Yakut phraseology there are enough examples where one can single out the peculiarities of kinship among the Yakuts. They also reflect the system of values and identity of the culture of the people.

Key words: *proverbs, sayings, kinship terms, family, customs*

Пословицы и поговорки возникли в далекое время и являются атрибутом любого языка. Многие из них появились еще тогда, когда не было письменности. Пословицы и поговорки имеют народное происхождение, их первоисточник находится в коллективном разуме народа.

А.Н.Афанасьев писал, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются памятником издавна сложившихся воззрений.

Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта». (Афанасьев, 1996: 15)

В.И.Горелов в своем учебном пособии «Лексикология китайского языка» пишет про пословицы и поговорки в китайском языке, что «китайские пословицы и поговорки воплощают в себе жизненные наблюдения, коллективный опыт народа, его мудрость. Они образны и выразительны, просты и лаконичны и вместе с тем ясны и доходчивы. В них отражены особенности живой повседневной речи народа с ее яркой и самобытной лексикой, свободными и гармоничными

оборотами». (Горелов, 1979: 87)

В предисловиях к сборникам пословиц и поговорок любого народа говорится, что собранные изречения отображают быт, нравы, обычаи создавшего их народа. А.Е.Кулаковский писал, что «ученый или этнограф, изучающий пословицы какого-нибудь народа, всегда найдет в них много интересного и характерного про этот народ». (Кулаковский, 1979: 102)

В китайской фразеологии широко представлены выражения с терминами родства. Терминология родства является одной из важнейших лексических групп в основном словарном фонде китайского языка.

В пословично-поговорочных выражениях якутской фразеологии достаточно примеров, где можно выделить особенности родственных отношений у якутов. Также в них отражена система ценностей и самобытность культуры народа.

В данной статье будут рассмотрены пословицы и поговорки с терминами, обозначающими родство по супружеству.

Термины родства по супружеству в китайском языке представлены следующими пословицами и поговорками:

- 夫妻之争，永远没有赢家 – *В войне супругов никогда не будет победителя.*

Используется в значении, что если муж и жена будут враждовать между собой, то из этой вражды никто не выйдет победителем.

- 男人无妻家无主，女人无夫家无梁 – *Мужчина без жены, как дом без хозяина. Женщина без мужа, как дом без балок.*

Используется в значении, что домашний уют не может быть создан лишь мужчиной или женщиной в одиночку.

- 秧好一年谷，妻贤一生福 – *Хороший урожай соберешь – год кушать будешь, добродетельную (талантливую) жену найдешь – будешь счастлив всю жизнь.*

Используется в значении, что жизнь будет счастливой с добродетельной, хорошей женой, как собрать в конце сезона хороший урожай, который будет кормить семью.

- 只要老公好，苦苦也呒告 - *Надо лишь иметь хорошего мужа, тогда и о страдании не надо будет говорить*

Используется в значении, что когда в доме хороший муж, то и места для страдания нет.

- 少年夫妻甜如蜜，老年夫妻恩如漆 – *Молодые годы супружества - сладкие как мёд, старые года супружества – теплые как смола.*

Используется в значении, что любовь у супругов с годами крепчает.

- 柴米夫妻，酒肉朋友 - *В хозяйстве – супруги, в гулянии – друзья.*

Используется в значении, что супруги всегда рядом, чтобы ни случилось, а друзья будут только в развлечении, не придут на помощь в трудную минуту.

- 半夜吵，五更好 - *Полночи ссорятся, на пятой страже ладят (в русском языке эквивалент «милые бранятся – только тешатся).*

Используется в значении, что супруги рано или поздно помирятся.

- 夫妻造孽常事，邻舍拆劝多烦 - *Ссора – обычное дело супругов, но соседу доставляет много хлопот.*

Используется в значении, что когда супруги много ссорятся, то соседям это надоедает, и они их успокаивают.

- 娇子勿能立业，娇妻勿能治家 – *Избалованный ребенок не может создать свое дело, жена-неумеха не может ведать домашними делами.*

Используется в значении, что человек не может делать то, к чему не приучен.

- 怕老婆，铜钿多 - *Если боишься жены, то больше денег будет.*

Используется в значении, что жена управляет финансами семьи.

- 十只黄猫九只雄，十个老婆九个凶 - *Из 10 желтых котов – 9 самцов, из 10 жен – 9 злые.*

Используется в значении, что жена бывет злая.

- 露水夫妻难到老，花烛夫妻百年好 - *Любовники вряд ли доживут до старости вместе, а законным супругам всю жизнь хорошо.*

Используется в значении, что законное супружество лучше чем гражданский брак.

- 一根年糕一只块 - *Одного торта кусок (экв.: два сапога пара, одного поля ягода, муж и жена – одна сатана).*

Используется в значении, когда у супругов ладятся все дела.

В Китае супружество было ценностью, и если супруги жили вместе долго и счастливо, то они говорили про свои супружеские года как: 少年夫妻甜如蜜，老年夫妻恩如漆 – *Молодые годы супружества - сладкие как мёд, старые года супружества – теплые как смола*. В Китае очень ценили, что после бракосочетания, рождалась новая семья, и не уважали тех, которые жили вместе, но не были связаны узами брака, что можно увидеть в следующем примере: 露水夫妻难到老，花烛夫妻百年好 - *Любовники вряд ли доживут до старости вместе, а законным супругам всю жизнь хорошо.*

Муж и жена выступают в роли частей дома, т.е. их уподобляют тому, без чего дом держаться не будет: 男人无妻家无主，女人无夫家无梁

– Мужчина без жены, как дом без хозяина. Женщина без мужа, как дом без балок. Здесь муж – в роли балок, которые поддерживают дом, чтобы он не рухнул, а жена – в роли хозяина дома, который смотрит, чтобы дом не пришел в упадок.

Основное занятие якутского населения – скотоводство – характеризовало его полукочевническую культуру и определяло ее ценности. Такие понятия, как свой род, земля, скот, имели в глазах якутов непреходящее значение и нашли отражение в их традиционной ментальности. Они с большим трудом подвергались каким-то изменениям и устойчиво сохранялись в сознании. Духовная жизнь якутского общества, этническая культура, нормы поведения и организация быта якутов были тесно связаны с их образом жизни. (Дьяконова, 2002: 240)

В якутской патриархально-родовой семье родоначальником, главой семьи выступает мужчина. В наших климатических условиях мужчина является единственным защитником, добытчиком домашнего достатка. Жизнь семьи зависела от его силы, сноровки, других физических данных, так как мужчины, отцы семейства круглый год занимались охотой, рыбалкой, заготовкой дров на зиму, сенокосом, жатвой.

Культ мужчины также был связан с религиозно-философским мировосприятием наших предков.

Муж и жена, как термины родства по супружеству в якутском языке представлено следующими пословицами и поговорками:

Высокий статус отца в семье отражают такие пословицы и поговорки, как:

- *Эр сүрэҕинэн, эһэ тыҥыраҕынан – Мужчина – смелостью, медведь – когтями.*
- *Эр дьүһүнүгэр баар – Доброго молодца видно по облику.*

В некоторых якутских пословицах компонент «муж» (эр) иногда заменяется на нейтральное в гендерном отношении слово «мужчина» (эр киһи).

- *Эр киһи дьиэтигэр хонор хоноһо, сылдьар ыалдьыт – Мужчина в своем доме – проезжий ночевщик, приходящий гость.*

Если глава семьи являлся полновластным господином в семье, то жена, женщина находилась в полном подчинении у своего мужа:

- *Куобах эригэр былах быһан биэрэригэр дылы – Подобно зайчихе, перегрызающей для зайца ивовые ветки.*

О положении женщины в дореволюционные годы П.С.Софронеев писал: “Сохранялись патриархальные отношения к женщинам. На женщину смотрели как на вещь, которую продают и покупают. Был широко распространен калым, восходящий к патриархально-родовому строю. Он представлял собою не что иное как цену выдаваемой замуж девушки или женщины” (Софронеев, 1972: 139).

Семейный быт, присущий полуфеодальному строю Якутии 18-19 вв. выражен в следующей поговорке, по которой права женщины были намного ниже, чем мужчины, но выше, чем слуги:

- *Тойон икки харахтаах, хотун аҥар харахтаах, хамначчыт хараҕа суох - Хозяин с двумя глазами, хозяйка - с одним, слуга — слепой.*

Жена была, прежде всего, работницей. Женский труд был самым изнурительным и тяжелым. Женщины были заняты уходом за скотиной в хотоне. Приготовление пищи, уход за детьми, ремонт одежды и прочие домашние хлопоты – все это считалось уделом только женщин.

В Якутии при патриархате появились пословицы и поговорки, высмеивающие людей, которые не умеют показывать жене свою власть и находятся под влиянием своей жены Отношение к мужу - подкаблучнику резко отрицательно, так как он представлял собой отклонение от нормы в культуре, где женщина была подчинена мужчине:

- *Ойоҕор айах туппукка дылы - Подобно тому, который преподнес кумысный кубок своей жене.*
- *Ойоҕун баһыгар ытыарбыт - Жену посадил на свою голову.*
- *Ойоххун эрэнимэ, эркиҥҥин эрэн – Не надейся на свою жену, а надейся на свою стену.*

Данные пословицы отражают горькую долю якутской женщины в патриархальной семье, где господствует мужчина и приниженное положение занимает женщина.

Если женщина выходила замуж, то ее статус повышался. Это связано с тем, что в якутской традиции женщина как мать, супруга играла большую роль в семье. Она была главной хранительницей домашнего очага и семейных традиций. Б.Н.Попов отмечал: “У якутов (в особенности) весь дом и все скотоводство состояли на попечение женщины – жены”. (Попов, 1987: 55)

Бас дьахтар дьиэни тутар. Дом (семья) держится на женщине-главе.

По якутским обычаям, каждый человек должен был вступить в брак для продолжения рода. В якутском языке мы находим пословицы и поговорки, подтверждающие необходимость брака:

- *Ойоҕо суох киһи оронуттан ордуоһурар, тэллэҕиттэн тэбиэриһэр - Человек без жены - вставая с кровати разгневается.*
- *Кыыс дьахтар кытыйатын-хымыйаҕын кытта кырбаһар, ойоҕо суох уол үтүлүгүн-бэргэһэтин кытта охсуһар. - Девица в летах со своими мисками и ложками дерется, молодой человек без жены со своей тапкой и рукавицей бьется.*

Семья обеспечивала молодому человеку более высокое

положение в обществе, но вместе с ней он приобретал много новых обязанностей.

Муж и жена - это одно целое, доказательством этого служат следующие выражения:

- *Кэргэнниилэр биир санаалаахтар. Муж и жена одинаково думают.*
- *Улаҕаҕа уктар, ойоҕоско олордор ойох - доҕор. Укладываемая у стены, усаживаемая сбоку жена - друг.*
- *Холоонноох хотун ойоҕум, тэҥнээх тэгэл сэгэрим - Достойная моя хозяйка - жена, равная со мной любимая подруга моя.*
- *Дьиэ - ыал ийэтинэн. Дом по матери, т.е. по хозяйке.*

В этих пословицах жена - равный друг мужа, избранная им подруга на всю жизнь. Мужчина полностью зависел от женщины в быту. Жена следила за хозяйством, смотрела за скотом, шила одежду, готовила и подавала еду для мужа, гостей, рожала и растила детей.

В каждой семье между мужем и женой могли происходить ссоры.

- *Абааһы көрсүһэр эр-дьахтар курдук эрдэ тураллар – Встают рано, как муж и жена, не любящие друг друга.*

Но в то же время пословицы, как малый кодекс народной морали, помогали регламентировать отношения мужа и жены. Например, поясняли необходимость воздержания от безнравственных поступков:

- *Ойоҕу уларсыллыбат – Жену не одалживают.*

На основании вышеизложенного можно отметить следующее:

1. Ладящие между собой муж и жена, отраженные в пословицах и поговорках китайского народа, всегда являются символами счастливой и радостной жизни.

2. Во главе якутской семьи стоял мужчина, отец семейства, обеспечивающий в суровых климатических условиях благосостояние семьи. Якутская культура принадлежат к культурам с мужской доминантой, поэтому в пословицах и поговорках провозглашается превосходство мужа над женой.

3. В дореволюционное время положение женщины, жены определялось патриархальными традициями, она пользовалась в семье гораздо меньшими правами, чем мужчина. Но в то же время считалось, что благополучие семьи в основном держалось на трудолюбивой хозяйке. В ее обязанности входило рожать, воспитывать детей, вести хозяйство по дому.

Список литературы:

Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. - М.: Высшая школа, 1996. -150 с.

Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка: учеб. Пособие. – М.: Просвещение, 1979

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2003.

Кулаковский А.Е. Научные труды. [Подготовили к печати: Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов] - Якутск: Кн. изд-во, 1979. - 102-106 с.
Попов Б.Н. Социалистические преобразования семейно-брачных отношений у народов Якутии. – Якутск, 1987. – С.55.)
Софронеев П.С. Якуты в первой половине XVIII века. – Якутск, 1972. – С.139.)
Уткин К.Д. Культура народа саха: этнофилософский аспект. – Якутск: Бичик, 1998. – 368 с.

Григорьева Анна Анатольевна - старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *chorosova@mail.ru*

Ким Михаил Антонович - студент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *mizka89@mail.ru*

Айыына ЛИХАНОВА

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КИТАЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Научный руководитель – Т.В.Ордахова, старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, ordakhova@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме лексических средств выражения китайской ментальности. Успешное ведение дел на международном уровне требует также и культурную компетентность по отношению к той или иной культуре, в том числе ее ментальность. Она же тесно связана с языком народа, и поэтому следует уделить особое внимание рассмотрению китайской ментальности посредством особенностей лексики.

Ключевые слова*: китайский язык, ментальность, лексические средства, межкультурная коммуникация, эмоции.*

Aiyna LIKHANOVA

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING CHINESE MENTALITY

This article is devoted to the problem of lexical means of expression of the Chinese mentality. The successful conduct of business at the international level also requires cultural competence in relation to a particular culture, including its mentality. It is also closely connected with the language of the people, and therefore special attention should be paid to the consideration of the Chinese mentality through the peculiarities of the vocabulary.

Key words: *Chinese language, mentality, lexical means, intercultural communication, emotions*

Многие недопонимания и трудности в области перевода относительно китайского языка зачастую имеют непосредственную связь с незнанием ментальных особенностей данной культуры. Ведь слова можно перевести по отдельности, но составить общую картину без учета культурных отличительных черт невозможно. Так, актуальность темы обусловлена необходимостью рассмотрения специфики китайской ментальности для более успешной коммуникации и взаимодействия. Многие проблемы и основные международные конфликты появляются именно по причине недостаточной осведомленности коммуникантов о ментальности другой культуры.

Общей чертой, которая объединяет все аспекты культуры этноса, является его ментальность, особый образ мышления. С точки зрения

художественного перевода этническая ментальность – это этнопсихологическая характеристика языкового и надъязыкового бытия этноса, которая находится в диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии с соответствующим языком (Казиева, 2012: с.69). Кроме того, именно в языке отражаются особенности мировосприятия народа и его отношение к обществу. Следовательно, ментальность этноса и его язык напрямую связаны. Философский энциклопедический словарь дает определение ментальности как «образа мышления, общей духовной настроенности человека или группы» (под ред. Ивина, 2004). Ментальность является более широким понятием, чем стиль мышления, характеризующий лишь интеллектуальную предрасположенность к определенным умственным действиям (Кирьянова, 2013: с. 99).

В частности, рассмотрим роль и значимость национальной ментальности на примере двух стран: России и Китая. Все мы знаем, что для современной России характерна многонациональность. Исходя из этого, исследование феномена национального сознания имеет большое практическое значение, так как сепаратистские тенденции основываются на абсолютизации национального самосознания, объявлении его «сверхценностью» (Косьяненко, 2011: с. 184). Что касается Китая, ввиду того, что культура Поднебесной имеет более 5000 лет одной только письменной истории, китайская национальная ментальность является, прежде всего, тем стрежнем, который основывает их нынешнее самосознание: сплоченность, этническую и историческую идентификацию. Кроме этого, в культуре Китая заметна и высокая национальная идентификация, а именно патриотизм, которая стоит столбом в условиях всемирной глобализации. Именно она заставляет более миллиарда человек свято уважать такие проявления древней культуры, как традиции, обычаи, нравы и свой язык. Идея этноцентризма была продиктована тем, что Китай в течение многих столетий развивался на собственной основе без тесного и прямого взаимодействия с другими центрами цивилизационного развития – Древней Грецией, Древним Римом, Индией, Персией, арабскими странами (Матвеева, 2012: с. 267).

Конфуций также сыграл важную роль в становлении национальной ментальности, чьи учения до сих пор отражаются в сознании китайцев. Например, принцип повиновения старшим по должности и возрасту или принцип преданности государю, нравственному авторитету правительства. И как пишет Маслов А.А. («Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения»), «одна из самых характерных черт китайского характера – ощущение древности своей истории, своей культуры и цивилизации. Именно это дает китайскому населению некое внутреннее преимущество над другими нациями» (Маслов, 2010: с. 28).

Особую роль в становлении китайского народа сыграли иероглифы, однообразие которых отразилось и на образе мышления китайцев. На Западе личное местоимение «I» всегда пишется с заглавной буквы, ведь в основе идеологии Запада лежит культ индивидуума, уважении к потребностям и чувствам отдельного человека, игнорирование коллектива. В русском языке с большой буквы пишется местоимение «Вы», когда употребляется в единственном числе, что подчеркивает вежливое отношение к другому человеку. В китайском языке все иероглифы пишутся одинаковой высоты, что показывает отказ от индивидуальности, подчинение коллективу, обезличивание (Бехтева, 2015: с. 752). То есть, письменность, в частности, иероглифы тоже определяют и влияют на ментальность китайцев, отражая их особое отношение к группе и индивиду.

Из чего следует, что ментальность определенной нации напрямую зависит от их языка. Говоря о китайской культуре, их ментальность тоже отражает особенности китайского языка: этноцентризм, коллективизм, уважение и следование своей культуре.

Одним из наиболее ярко выражающих ментальность средств являются эмоции. Именно эмотивная лексика, используемая для передачи эмоционального состояния не только индивида, но и представителя целой культуры, в полной мере отражает тот или иной образ мышления. Эмоции также обуславливают действия человека в определенной ситуации, побуждают его к активности, тем самым формируя его мироощущение. Например, переживая чувство страха, человек чаще всего фокусируется либо на пугающем его объекте, либо на поиске преодоления этого чувства (Изард, 2006: с. 233). Все вышесказанное находит свое отражение в языке.

Эмоции — это очень сложные психические явления. К наиболее значимым эмоциям принято относить следующие типы эмоциональных переживаний: аффекты, собственно эмоции, чувства, настроения, эмоциональный стресс (Ильин, 2013: с. 512). Безусловно, свои повседневные эмоции мы прекрасно понимаем и интерпретируем на своем языке, пропуская через свою национальную ментальность. Однако возникает любопытный вопрос: сможем ли мы предложить правильную интерпретацию эмоций в другой культуре, не имея достаточного представления о самой культуре? Ведь существует понятие «языковой лакуны», когда в лексической системе языка отсутствуют слова для обозначения того или иного понятия. Относительно этого существуют несколько принципиально различных мнений, о которых рассуждает Клобуков П.Е. в своей статье «Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке)»: «В соответствии с релятивистской позицией утверждается, что языки (а значит, и культуры) несопоставимы, не имеют никакой общей системы

измерений, и поэтому не могут быть сравниваемы и интерпретируемы» (Клобуков, 1998: с. 16). Значит, язык каждой культуры по-своему уникален, их нельзя сравнить по одной категории. Кроме того, помимо языковых лакун, есть и эмотивные лакуны. Эмоции являются неотъемлемой частью нашей жизни, и поэтому наиболее точно показывают своеобразие той или иной культуры. Таким образом, стоит обратить внимание на том, что лексическое выражение эмоций в каждой культурной общности отличается друг от друга в зависимости от ментальности, склада ума и отношения к окружающему миру (религиозный аспект).

По своей натуре, китайский этнос можно считать эмоциональным. Им свойственна высокая возбудимость, эмоциональность, впечатлительность, что обуславливает характер выражения эмоций через лексику китайского языка.

На материале китайского мультсериала «宿舍不日常 TV版2018» выявлены лексические особенности выражения китайской ментальности путем анализа эмотивной лексики, основой которого стал набор шести базовых эмоций. Согласно кросс-культурным исследованиям, к ним относятся anger (гнев / злость / раздражение), disgust (отвращение / неприятие), fear (страх / ужас), happiness (счастье / радость), sadness (грусть / печаль), surprise (удивление) (Клобуков, 1998: с. 101).

Первой категорией набора из шести базовых эмоций является злость (гнев, раздражение). В китайском языке эту эмоцию выражают в зависимости от степени, стиля речи и обстоятельства употребления. Также могут быть и нейтральные слова, которые в контексте приобретает негативный оттенок. Так, слова «吃不下去», «呆不下去», образованные с помощью модификатора, изначально имеют значение прекращение продолжительного действия. То есть пример «吃不下去» буквально переводится как «больше не есть», где 下 – это модификатор, который указывает на продолжение действия. Значит, значение самого слова зависит от используемого модификатора, который уточняет, конкретизирует определенное действие. Исходя из частого использования в негативной, недовольной коннотации, можно сделать вывод о том, что одним из способов выражения возмущения, злости в китайской культуре является «отказ» от текущего положения дел и его смена. А слова «太» и «够» тоже демонстрируют в тексте данного материала эмоцию «злость», придавая речи значение «чересчур, слишком». Хоть эти лексические единицы и используются в нейтральном контексте, но чаще всего показывает то, как что-то переходит все границы («太过分啦», «我受够啦»). Стоит отметить, что восприятие зоонимов в разных культурах отличается друг от друга. Так, собака в русской культуре зачастую считается символом верности,

дружбы и ума. А в китайской культуре она, скорее, имеет отрицательную коннотацию. Так, на материале мультсериала «宿舍不日常» найдены несколько лексических единиц, связанных с 狗 (собака): 狗头，单身狗，狗改不了 (сокращенный вариант идиомы狗改不了吃屎). Слово 狗 придает всем словам негативный оттенок, и потому часто используется в выражении злости и недовольства.

«真丢人» означает потерять лицо перед посторонними, осрамиться, опозориться, но в чужой речи приобретает значение отвращения, неприятия. Здесь также большую роль играет концепт «лица» в китайской культуре, когда лицом считается общественное положение, социальный статус и репутация. Это объясняет использование фразы «还是太年轻了» (все еще слишком юна) для выражения эмоции «отвращения, неприятия», так как говорящий принижает другого, указывая на его возраст. То же самое и с обращением «傻小妹», где 小 означает «маленький» и в данном случае выражает неуважительное, пренебрежительное отношение. Некоторые ученые, занимающиеся «чистой теорией» презрительно называют прикладные науки детской забавой, описывая их фразой «雕虫小技». Отвращение, неприятие еще выражает слово 厌恶, в котором иероглиф 厌 из слова 厌恶 означает «гнушаться, брезговать; чувствовать отвращение к (чему-л.)». Казалось бы, ничего необычного, но стоит углубиться в значение каждого иероглифа, то можно распознать некоторую особенность эмоции «отвращения» в китайской ментальности. Компоненты слова несут в себе несколько смысловых нагрузок: 恶 – ненависть, зло, порок, бедствие, нечистоты, вражда (и это только существительные), 厌 – испытывать отвращение, пресытиться, надоесть, брезгать, гнушаться, удовлетвориться. Следовательно, в китайском языке эмоция «отвращение, неприятие» несколько переиначивается, и границы между смежными чувствами и ощущениями размыты и неясны.

Эмоцию «страха, ужаса» передают такие слова, как 吓唬 (пугать, устрашать) и 吓死 (испугаться до смерти). Во втором примере использован модификатор глаголов и прилагательных 死, который выражает высокую степень чего-то. Следует добавить, что такое определение используется в образном значении: 吓死 (умереть от испуга), 累死 (смертельно устать), 饿死 (до смерти проголодаться) и т.д. Страх быть отвергнутым, раскритикованным представляет интересная фраза «脸皮薄», что буквально переводится как «кожа лица тонкая».

Она является обратной фразе «脸皮厚», выражающей наглого человека. Так как материалом является мультсериал, то часто встречается разговорный стиль общения. Ярким примером является слово «炸» (разлетаться на части, взрываться), который в разговорной речи приобретает значение «бежать в ужасе».

Китайцы счастливое, радостное состояние зачастую выражают словами 开心 и 高兴. 开心 переводится как «радоваться, быть в хорошем настроении», но дословно значит «открывать сердце». Значит, у китайцев радость – это такая эмоция, которая позволяет им показать настоящего себя, раскрыть свой внутренний мир, показать лицо. Учитывая «концепт лица» в азиатских странах, это возводит счастье на иной уровень отношения к нему. То же можно сказать и о слове 高兴 （обрадоваться, радоваться, воодушевиться）. Данное слово образовано с помощью иероглифов 高 «высокий» и 兴 «интерес, воодушевление», следовательно, здесь тоже граница между двумя понятиями размывается, смешивая «радость» и «интерес». Вполне возможно, это значит, что радость тождественна интересу к жизни.

«苦酒入候心作痛» - именно так описывает персонаж из данного мультсериала свое подавленное, опечаленное состояние. Фразой, выражающей ее эмоции, является «心作痛», которая используется в переносном смысле. Вообще, слово «心» - сердце - является более обширным понятием, чем в русском языке: оно означает еще и душу, настроение, чувство, мысль и т.д. Помимо этого, слово «羡慕» (завидовать) тоже может относиться к эмоции «грусть, печаль», поскольку оно выражает не черную зависть (как 嫉妒) и носит весьма нейтральное значение. Но в зависимости от контекста, как, например, в одном из моментов мультсериала, смысл может меняться. В данном случае слово «羡慕» выражает разочарование, грусть от того, что все у персонажа идет не так, как хотелось. Если вспомнить особую культуру еды, о которой ранее уже говорилось, то восприятие вкуса имеет отношение не только к физиологическим ощущениям, но и к внутренним: 苦 может переводиться как горький (о вкусе) и горький, несчастный (о душевном состоянии). И поэтому несчастье, горькую судьбу описывают словами «命好苦» (命 – судьба, 苦 – горький).

Китайская речь изобилует фразеологизмами и речевыми оборотами, особенно при выражении каких-либо чувств. И удивление не исключение. Так, чэньюй «难以想象» описывает что-то невообразимое, невероятное, удивительное, а дословно переводится как «трудно представить». Еще в данном материале можно встретить такие частые лексические способы выражения удивления как «什么意

思», «什么东西», «什么鬼», «啥玩意», «咋回事», «咋整» и т.д. Если использование слова 什么 (что, какой) и 怎么 (как, каким образом) нам понятны, то слова 意思 (смысл, значение), 玩意 (игрушка, вещь, штука), 回事 (дело, событие) и 整 (приводить в порядок, делать) заставляют задуматься. К примеру, фраза «什么意思» встречается довольно часто. В целом, «有意思 yǒuyìsi», который переводится как «интересный» (досл. «иметь смысл»), определяет категоричность и конкретность выражения, а также подчеркивает значимость смысловой категории. Та же категоричность выражается и в этом случае употребления: требуется прямой ответ на выявление основы вашей проблемы. Еще для выражения удивления отлично подходит фраза «想不到» и «没想到», которые означают «кто бы мог подумать, трудно представить» и «никак не ожидать, против ожиданий» соответственно. В частности, в одной из серий мультсериала «宿舍不日常» один персонаж использует эту фразу для передачи своего удивления: «想不到你这么坚强睿智独立勇敢».

Ничто так полно не выражает национальную ментальность китайцев, как лексика эмоций, потому что китайцы по своей природе считаются эмоциональными, и опираются, как правило, на свое внутреннее «чутье». Так, на материале третьего сезона мультсериала «宿舍不日常», который состоит из 6 серий, всего было найдено 28 слов, выражающие эмоции. Эти слова распределены по 6 базовым эмоциям (гнев, отвращение, страх, радость, грусть, удивление).

В современное время роль межкультурной коммуникации становится все значительнее, она охватывает все сферы деятельности, но некоторые проблемы остаются актуальны. Для овладения определенным языком не стоит пренебрегать смежными характеристиками этноса, особенно национальной ментальностью. Поскольку сам язык является «зеркалом» образа мышления людей. Кроме того, лексика эмоций является самым эффективным способом выражения ментальности. В результате лексического анализа на материале мультсериала «宿舍不日常», лексические средства выражения китайской ментальности были распределены по 6 базовым эмоциям. Таким образом, язык играет важную роль в изучении ментальности самой нации, по нему можно узнать много нового о культуре и образе мышления народа. Также эмоции – это ключ к действенному раскрытию сознания этноса, его ментальности, поэтому лексика эмоций отлично проецирует их особенности.

Список литературы:

Бехтева Н. Н. Особенности китайской языковой картины мира в аспекте обучения китайскому языку как иностранному // Молодой ученый. — 2015. — №22. — 751-753 с.

Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2006. – 460 с.

Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2013. – 783 с.

Казиева А.М. К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования. – 2012. – №2. – 69-73 с.

Кирьянова Е.Н. Феномен национальной ментальности в китайской экономике // Инновационная экономика и общество. – 2013. – №1(1). – 99-102 с.

Клобуков П.Е. Эмоции, сознание, культура // Язык, сознание, коммуникация. – 1998. - №4. – 128 с.

Косьяненко С.Н. Национальное сознание: проблемы определения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – №2. – 183-193 с.

Маслов А.А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. – М., 2010.

Матвеева Ю.В. Формирование и основные особенности менталитета китайцев // Культура, духовность, общество. – 2012. – №1. – 266-270 с.

Философия: Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Ивина. – М., Гардарики, 2004.

Чжоу Хун. Оценочная функция зоонимов (на материале русского и китайского языков). М., 2003.

Лиханова Айыына - студентка кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск), *ainanovember@gmail.com*

Мария Руслановна СТРУЧКОВА

ХАРАКТЕРИСТИКА ВНЕШНЕГО ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Научный руководитель – В.В. Лебедева, старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г.Якутск), levik93@inbox.ru

Статья посвящена выявлению и описанию характерных особенностей внешнего образа женщины, принятого в корейском обществе. В результате проведенного анализа корейских пословиц с компонентом «женщина» в статье дается характеристика идеальной корейской женщины, которая заключается в естественной природной красоте внешнего облика. Таким образом, в женщине ценится не внутренние человеческие качества, а красивый ухоженный внешний вид.

Ключевые слова: *пословица с компонентом «женщина», образ женщины, корейская пословица, привлекательная внешность, женская красота*

Maria R. STRUCHKOVA

CHARACTERISTICS OF THE OUTWARD APPEARANCE OF WOMEN IN KOREAN CULTURE

The article is devoted to the identification and description of the special features of the outward appearance of a woman in Korean society. As a result of the analysis of Korean proverbs with the component "woman", the article describes the characteristics of an ideal Korean woman, which consists in the natural beauty of her appearance. The woman is valued not for internal human qualities, but for a beautiful well-groomed appearance.

Key words*: proverb with the component "woman", the image of a woman, Korean proverb, attractive appearance, female beauty*

У каждого народа свои представления о том, какой должна быть идеальная женщина. Представления о женщине, бытующие в той или иной культуре, находят свое отражение в языке. В связи с этим, исследование языковых единиц, позволяет конструировать образ женщины, характерный для той или иной культуры.

Нередко при исследовании того, как в языке представлена «женщина», лингвисты обращаются к пословицам. Пословицы рассматривают как один из основных «кодов» культуры, как язык веками сформировавшейся обыденной культуры, передающейся из поколения в поколение и отражающей все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка (Телия, 1996: 219-241).

Пословица – «автобиография народа», «зеркало культуры» (Dundes, 1980: 38).

Данная работа посвящена анализу внешнего образа женщины, отраженного в пословичном фонде корейского языка.

Материалом исследования для определения внешнего образа женщины в корейской культуре послужили 65 корейских пословиц с компонентом «женщина» из собрания корейских изречений «Золотые слова корейского народа» Лим Су (Лим Су, 2003: 161-164). Среди проанализированных пословиц было выявлено 14 пословиц, посвященных внешнему облику женщины.

В Корее внешняя красота является очень важным фактором. Отмечается первостепенность внешней красоты, чем внутренней. Во внешности женщины, прежде всего, ценятся такие черты лица как белая кожа, глаза, нос и волосы. Признается, что привлекательность женщины может помочь ей добиться каких-либо целей в жизни. Красота чаще приписывается молодой, незамужней женщине. При этом эта красота недолговечна.

Пословицы, указывающие на источник красоты и привлекательности женщины:

- *Женщина и рис – чем белее, тем лучше* (여자와 쌀은 흴수록 좋다).

Эталоном привлекательной внешности в Корее считается белая кожа, так как только представители высших сословий, которые не работали на поле и не подвергали кожу воздействию солнечных лучей, имели белоснежную и чистую кожу. А измученные жарой и работой на поле, представители низших сословий имели смуглую кожу.

- *Женщина любит, когда ей говорят, что она выглядит молодой, а мужчина любит, когда ему говорят, что он выглядит старым* (여자는 젊어 보인다고 해야 좋아하고 남자는 늙어 보인다고 해야 좋아한다).

Женщину, в первую очередь, заботит ее внешность. Женщина всегда стремится выглядеть молодо, так как молодость ассоциируется с красотой, свежестью и здоровьем. Молодая женщина – красивая женщина.

- *Дом да женщина зависит от ухода* (계집과 집은 가꿀 탓이다).

В основе данной пословицы лежит представления о том, что женщина должна следить за собой, быть ухоженной. В пословице приводится аналогия женщины с домом: как и состояние дома, внешность женщины зависит от ухода.

- *Для женщины, прежде всего – густые волосы, затем – косметика, и только затем – одежда* (여자는 첫째가 머리요 둘째가 화장이요 셋째가 옷이다).

В данной пословице конкретизируется, что в женщине ценится

прежде всего: во-первых, женщина от природы должна иметь хорошие данные (что символизируют волосы), во-вторых, ухоженной (что символизирует косметика), в-третьих, хорошо одета. Возможна и другая интерпретация этой пословицы: естественную красоту необходимо подчеркивать косметикой и красивой, опрятной одеждой.

Пословицы, отражающие, что внешняя привлекательность связана с возрастом:

- *Как женщина за тридцать* (삼십 넘은 계집이다), т.е. цветущие годы позади

Стоит отметить, что внешность и возраст взаимосвязаны, внешняя красота женщины находится в определённых временных рамках. Для корейской женщины определен возрастной рубеж – 30 лет.

Женщина в тридцать лет увядает, а мужчина в тридцать расцветает (여자 삼십에는 꽃이 지고, 남자는 삼십에는 꽃이 핀다).

В данной пословице женская красота строится на сравнении с цветком, чей век недолог из-за хрупкости, что очень похоже на женскую красоту.

Когда женщина за тридцать, то даже слепая птичка не оглянется. (여자 나이 삼십이면 눈 먼 새도 돌아보지 않는다).

Женщина за тридцать настолько непривлекательна, что на нее никто не посмотрит.

- *Когда женщина за тридцать, то и столб, изображающий духа-хранителя деревни, не оглянется* (여자 나이 삼십이면 장승도 돌아보지 않는다).

Женщину за тридцать даже дух-хранитель не оберегает. То есть никому нет дела, что произойдет с такой женщиной.

Пословицы, отражающие первостепенность внешней красоты:

- *Для женщины, прежде всего – красота* (여자는 첫째가 인물이다).
- *Для женщины, прежде всего – красота, а потом душа* (여자는 첫째가 인물이고 둘째가 마음씨다).

Привлекательная внешность считается очень важным параметром для корейской женщины. В отличие от других культур в корейской культуре отмечается первостепенность внешней красоты. Красивая внешность важнее внутренних личных качеств женщины.

- *У мужчины – книга, а у женщины – зеркало* (사내는 책이요, 여자는 거울이다).

Данная пословица, гласит, что женщину в отличие от мужчины красит не острый ум, а красивая внешность.

Пословицы, характеризующие красивую внешность как средство хорошо устроиться в жизни:

- *Женщина с красивыми глазами хорошо рожает сыновей* (여자는 눈이 잘 생겨야 아들을 잘 둔다)

Издревле в Корее предпочитали сыновей, так как сыновья – продолжатели рода. Поэтому от женщины ждали именно рождение мальчика. И предполагалось, что у красивой женщины больше шансов родить мальчика.

- *Если у женщины красивый нос, то ей повезет при выборе мужа* (여자는 코가 잘 생겨야 남편 복이 있다).

Так как «мужчина любит глазами», удачно выйти замуж сможет только красивая женщина.

Таким образом, для корейской женщины внешняя красота является очень важным фактором. В отличие от других культур, в Корее внешняя красота женщины ценится выше нравственных качеств и умственных способностей. Внешняя привлекательность женщины рассматривается как необходимый атрибут, как шанс, который может помочь ей удачно устроиться, например, удачно выйти замуж или улучшить свое положение в семье, родив сына. Во внешности женщины, прежде всего, ценятся такие черты лица как белая кожа, глаза, нос и волосы. Красивая одежда и косметика являются неотъемлемой частью женской красоты. Красота чаще приписывается молодой, незамужней девушке, при этом она недолговечна, поскольку внешняя красота женщины находится в определённых временных рамках. Для корейской женщины определен возрастной рубеж – 30 лет. Корейцы сравнивают женскую красоту с прекрасным, но в то же время недолговечным природным явлением как цветок. Считается, что после тридцати лет женщина увядает и становится никому не нужной по причине того, что она теряет свою былую привлекательность.

Список литературы:

Лим Су. Золотые слова корейского народа. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – 357с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996.– 288 с.

Dundes A. Interpreting Folklore. Bloomington, 1980. 340 p.

Стручкова Мария Руслановна - студент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), masha201996@gmail.com

Евгения Георгиевна СЕРКИНА

ПРОИЗВОДНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Научный руководитель – В.В. Лебедева, старший преподаватель кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г.Якутск), levik93@inbox.ru

Статья посвящена структурному анализу и описанию производного способа образования корейской автомобильной терминологии. В результате проведенного анализа терминов по теме «Конструкция автомобиля» из словаря корейских технических терминов были выявлены 5 способов образования автомобильных терминов, из которых одним из продуктивных способов является производный способ (образование терминологической единицы посредством присоединения префикса или суффикса к началу основы).

Ключевые слова*: термин, автомобильная терминология, производные термины, суффиксальный способ, префиксальный способ*

Evgeniya G. SERKINA

DERIVATIVE METHOD OF THE FORMATION OF AUTOMOTIVE TERMINOLOGY IN KOREAN

The article is devoted to the structural analysis and description of the derivative method of the formation of Korean automotive terminology. The analysis of the terms on the topic "Car design" was done using the dictionary of Korean technical terms. As a result, 5 ways for forming automotive terms were identified, of which the productive method is the derived method (formation of a terminological unit by appending a prefix or suffix to the beginning of the base word).

Key words*: term, automotive terminology, derivative terms, suffixing method, prefixing method*

Сегодня автомобильный транспорт является неотъемлемой частью нашей жизни. Следовательно, терминология, которая используется в эксплуатации автомобилем, все прочнее вживается в нашу повседневную лексику. Кроме того, автомобильная промышленность является сейчас довольно прибыльным и популярным делом, что вызывает интерес не только среди обывателей, но и у многих лингвистов.

В лингвистике под термином принято понимать «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка,

но лишь через посредство конкретной терминологии (Ярцева, 1990).

Автомобильная терминология стала объектом исследования сравнительно недавно, с 80-х годов 20-го века. В 1980 году Л.И. Воскресенская рассмотрела смысловую структуру английских автомобильных терминов, в 1985 В.Г. Захарова исследовала систему терминообразования терминологии автомобилестроения в русском и белорусском языках. В 1998 году Л.И. Лесничая исследовала семантику синтаксических структур составных терминов на материале французского языка, И.Н. Позднышева в 2007 году провела сопоставительный анализ автомобильных терминосистем в английском, французском и русском языках.

Автомобильные термины отвечают общим характеристикам термина, но также они имеют и собственные особенности, которые были выделены Ю.Н. Ревиной в ее работе «Автомобильная терминология в немецком и русском языках». Она выделила следующие характерные особенности автомобильных терминов:

1. *открытость* – автомобильная терминология имеет особенность заимствования терминологических единиц из других наук. Чаще всего термины другой терминологии появляются в другой сфере не случайно, а в результате внедрения в данную науку или технику идей, понятий и методов другой схожей науки.
2. *динамизм развития* – автомобильная терминология быстро прогрессирует, а причинной тому является появление на рынках инновационных автомобилей, в связи с чем идет интенсивное пополнение лексического фонда автомобильной терминологии;
3. *широкая сфера употребления* – автомобильная терминология в силу широкой бытовой эксплуатации автомобилей населением в большей части является известной. Автомобильная терминология используется не только работниками автосервиса, но и автомобилистами, пассажирами общественного транспорта и людьми, далекими от автомобилей. Кроме того, автомобильная терминология часто встречается в СМИ: в рекламных роликах, журналах, вывесках, а также и в текстах художественной литературы. Поэтому автомобильная терминология все чаще начала проникать в различные стили языка: разговорный стиль, публицистику, художественную прозу и т.д. (Ревина, 2011: 12).

Данная работа посвящена структурному анализу способов образования автомобильной терминологии в корейском языке. Материалами исследования послужили термины по теме «Конструкция автомобиля» из словаря корейских технических терминов, содержащих более 11 000 терминологических единиц (MAC: http). В результате обработки терминов было выявлено, что автомобильная терминология корейского языка имеет определенную структуру и поддается структурной классификации. Таким образом, по

структурной характеристике все проанализированные автомобильные термины в корейском языке были разделены на 5 типов: сложные термины, терминологические словосочетания, аббревиатуры, простые термины, производные термины. Благодаря особенностям словообразования в корейском языке в фонде автомобильной терминологии можно выделить отдельный структурный тип автомобильного термина – производный. В рамках данной статьи нами дается характеристика способа образования производных терминов. Это те термины, которые были образованы с помощью различных аффиксов. В корейском языке существует множество различных аффиксов, которые способны менять значение слова или придавать ему особый оттенок. Следовательно, в корейской автомобильной терминологии мы выделили следующие подтипы производных терминов – префиксальный и суффиксальный подтипы.

Статистика показала, что терминологических единиц, образованных аффиксальным способом, в автомобильной терминологии корейского языка составляет наименьшее количество – 2% от общего количества. Согласно результатам исследования, количество суффиксальных терминов превышает количество префиксальных терминов.

Префиксальный способ образования производных терминов заключается в образовании терминологической единицы посредством присоединения префикса к началу основы.

Приведем в пример первую лексическую единицу 고장력 [gojangryeok], которая означает «высокое напряжение», но чаще всего это слово используется в родительном падеже, являясь частью сложного термина или терминологического словосочетания. Схему образования данной терминологической единицы выглядет следующим образом:

고p [go] + 장력 N [jangryeok] = 고장력 N [gojangryeok]

Высокий + напряжение = высокое напряжение

Кроме того, корейские префиксы могут комбинироваться с заимствованными лексическими единицами. Например, слово 고에너지 [goeneoji] «высокая энергия» совмещает в себе корейский префикс «고» и заимствованное из английского языка слово «energy». Далее приводится схема образования термина с участием данных компонентов:

고 p [go] + 에너지 N [eneoji] = 고에너지 N [goeneoji]

высокий + энергия = высокая энергия

Аналогом данного префикса в автомобильной терминологии является слово 하이 [hai] от англ. high – «высокий», но в использовании

равное предпочтение отдается как корейскому, так и английскому эквиваленту.

Далее рассмотрим второй префикс 공 [gong], который имеет значение «воздух». Данный префикс в совокупности с разными слогами или корнями образует термин со значением «воздушный». Например, слово 공랭 [gongraeng] «охлаждение воздуха» используется с такими терминами как 엔진 [enjin] от англ. engine «двигатель». В итоге образуется термин 공랭식 엔진 [gongraengsik enjin] – «двигатель с воздушным охлаждением».

Также аналогом приставки пере- со значением «чрезмерно» в корейском языке является префикс 과 [gwa]. Образование термина с использованием данной приставки выглядит следующим образом:

과 pr [gwa] + 부하 N [buha] = 과부하 N [gwabuha]

пере- + нагрузка = перегрузка

Рассмотрим другой пример префиксального способа образования – термин 급가속 [geupgasok] – внезапное ускорение. Схема образования данного термина выглядит следующим образом:

급 pr [geup] + 가속 N [gasok] = 급가속 N [geupgasok]

быстрый, внезапный + ускорение = внезапное ускорение

Важно заметить, что корейские и русские префиксы немного различаются, и перевод корейских префиксов на русский язык будет выглядеть как простое прилагательное.

Далее рассмотрим префикс, выражающий отсутствие чего-либо, например:

무 pr [mu] + 부하 N [buha] = 무부하 N [mubuha]

부하 N [buha] = 무부하 N [mubuha]

без-бес- + нагрузка = холостой ход

Следующий подтип образования производных терминов – суффиксальный. Он подразумевает образование терминологической единицы посредством присоединения суффикса к концу основы.

Первый пример с суффиксом – 계 [gye], который имеет значение «аппарат, механизм». Данный суффикс может использоваться с таким словом, как 분석 [bunseok] – анализ. В результате получается следующая схема:

분석 N [bunseok] + 계 s [gye] = 분석계 N [bunseokkye]

анализ + аппарат, машина = анализатор

Также с похожим значением «аппарат, механизм» существует

суффикс – 기 [gi]. Например, в сочетании со словом 기화 [gihwa], которое означает «испарение», образуется автомобильный термин «карбюратор». Схема образования данного термина:

기화 N [gihwa] + 기 s [gi] = 기화기 N [gihwagi]

испарение + аппарат = карбюратор

Следующий суффикс, имеющий значение «жидкость, вода» – 수 [su]. В сочетании со словом «переохлаждение» 냉각 [naenggak] он образует термин «охлаждающая жидкость».

냉각 [naenggak] + 수 [su] = 냉각수 [naenggaksu]

переохлаждение + жидкость, вода = охлаждающая жидкость

Таким образом, одним из продуктивных способов образования автомобильных терминов в корейском языке является префиксальный и суффиксальный способы производных терминов.

Список литературы:

Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Ревина Юлия Николаевна; [Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т]. – Омск, 2011. –193 с.

Лингвистический энциклопедический словарь: Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 683 с.

Корейский словарь технических терминов. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://terms.naver.com/list.nhn?cid=42330&page=1&categoryId=42330.

Серкина Евгения Георгиевна – студент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск), *evgeniya_serkina@mail.ru*